

Источник: Исторические драмы. Статья, служащая введением к драматическим хроникам Шекспира // Шекспир В. Полное собрание сочинений В. Шекспира в переводе русских писателей: В 3 т. / Под ред. Д. Михаловского. СПб., 1899. Т. 2. С. 5-25.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ДРАМЫ

«Ни одинъ народъ», по весьма справедливому замѣчанію Шлегеля, «не можетъ похвалиться такой величавой и громадной эпопеей, какую представляютъ намъ хроники Шекспира.» Цѣлыя три столѣтія отечественной исторіи, съ небольшими перерывами, были имъ изложены въ драматической формѣ, которая воскресила передъ глазами людей конца XVI столѣтія тѣ воспоминанія о смутахъ, раздорахъ и кровопролитіяхъ XIII, XIV и XV вѣковъ, среди которыхъ, тяжело страдая, нѣкогда крѣпла и развивалась Англія, достигавшая уже и во времена Шекспира того общественнаго и матеріальнаго благосостоянія, которыя составляютъ въ настоящее время главныя основы ея могущества и значенія. Въ тѣхъ десяти пьесахъ, которыя составляютъ полный кругъ Шекспировыхъ хроникъ и были написаны въ концѣ второго періода его литературной дѣятельности (съ 1592 по 1602), главный интересъ сосредоточенъ около борьбы Ланкастерскаго и Йоркскаго домовъ, извѣстной подъ названіемъ «войны Алой и Бѣлой Розы», изображенной во всѣхъ трѣхъ частяхъ «Генриха VI» и «Ричарда III»; остальные пять пьесъ («Ричардъ II», двѣ части «Генриха IV», «Генрихъ V» и «Король Джонъ») служатъ только дополненіемъ или поясненіемъ къ нимъ. Совершенно отдѣльно отъ этого полнаго и законченнаго круга стоитъ «Генрихъ VIII».

Первыя девять пьесъ вполнѣ соотвѣтствуютъ названію *хроникъ*; по крайней мѣрѣ, ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать *историческими драмами*, въ томъ смыслѣ, въ какомъ историческою драмою могутъ быть названы: «Валленштейнъ» Шиллера или «Эгмонтъ» Гёте. Шекспиръ, съ безпристрастіемъ и спокойствіемъ лѣтописца, изложилъ въ своихъ *хроникахъ* то, что могъ вычитать и изъ отдѣльныхъ лѣтописей, и изъ лѣтописныхъ сборниковъ; онъ не создавалъ характеры героевъ своихъ *на основаніи историческихъ чертъ*, какъ поступаютъ обыкновенно авторы историческихъ драмъ: онъ представлялъ героевъ своихъ такими, какими являются они въ лѣтописяхъ, пополняя своею фантазіею только тѣ пробѣлы, которые находилъ въ лѣтописяхъ, или стараясь своими собственными предположеніями и догадками пояснить противорѣчія лѣтописцевъ. Почти нигдѣ не вносилъ онъ въ свои хроники ни одного вымышленнаго, даже и второстепеннаго, лица, довольствуясь вполнѣ тѣмъ кругомъ лицъ, который представлялъ ему лѣтописный рассказъ. При этомъ онъ сумѣлъ сохранить удивительное безпристрастіе: ни въ одной изъ хроникъ онъ не сталъ на сторону одного какого-нибудь лица, одной какой-нибудь партіи. Дивный художникъ съ одинаковою любовью, съ одинаковымъ тщаніемъ и терпѣніемъ трудится надъ

созданіемъ такихъ чудовищныхъ образовъ, какъ Ричардъ III, и такихъ милыхъ, какъ невинный принцъ Артуръ, и такихъ глубоко испорченныхъ, но и глубокочеловѣчныхъ типовъ, какъ Ричардъ II. Шекспиръ отступаетъ отъ исторіи только въ томъ, что позволяетъ себѣ изрѣдка вносить въ содержаніе хроникъ черты, заимствованныя изъ народныхъ преданій, а въ нѣкоторыя изъ своихъ хроникъ (преимущественно въ «Генрихъ IV» и «Генрихъ V») народные типы, во главѣ которыхъ стоитъ гениально-созданный типъ Фальстафа. Кромѣ того, черезъ всѣ хроники одинаково проходитъ множество

величавыхъ характеровъ англійской знати, обрисованныхъ такими сильными и рѣзкими чертами, что, не смотря на своё множество, эти лица не утрачиваютъ своей личной физіономіи, не сливаются съ общимъ фономъ и не ускользаютъ изъ памяти зрителя и читателя.

Хроники Шекспира способны, однакоже, сбить съ толку любого теоретика, которому вздумалось бы относить ихъ къ опредѣленному литературному роду, потому что, при всемъ драматизмѣ своего содержанія, онѣ все же не могутъ быть вполнѣ отнесены къ драматическому роду, и заключаютъ въ себѣ почти столько же эпическихъ, сколько и драматическихъ элементовъ. Онѣ составляютъ особый и весьма замѣчательный родъ литературныхъ произведеній, правильно-называемый *хрониками*, потому что все лучшее и жизненное въ этомъ родѣ произведеній заимствовано изъ отечественныхъ хроникъ, проникнуто глубокимъ пониманіемъ народной жизни и согрѣто пламенною любовью къ отечеству. Эти-то стороны Шекспировыхъ хроникъ болѣе всего и способствовали тому, чтобы онѣ являлись на англійской почвѣ на столько же народными, на сколько Гомеровы пѣсни между греками. Впрочемъ, иначе и быть не могло: хроники Шекспира были созданы въ періодъ сильнѣйшаго возбужденія народной гордости и сознанія своей силы, въ лучшее время царствованія Елисаветы, когда положена была прочная основа могуществу Англіи, и – что всего важнѣе – начало ея преобладанію на моряхъ, послѣ счастливаго окончанія войны съ Испанією.

Многіе изъ почитателей Шекспира старались преувеличить значеніе его *хроникъ*, какъ пьесъ историческаго содержанія; съ этою цѣлью доказывали, что Шекспиръ нигдѣ не отступалъ отъ исторической истины и постоянно оставался ей *вполнѣ* вѣренъ. Но это не болѣе, какъ излишнее преувеличеніе, которое притомъ же ничего не можетъ прибавить къ значенію и достоинству Шекспировыхъ хроникъ, точно такъ же, какъ не можетъ поколебать ихъ достоинства то, что великій драматургъ во многихъ мѣстахъ дополнилъ и оживилъ сухой рассказъ лѣтописи такими образами собственной фантазіи, которые гораздо болѣе близки къ истинѣ, чѣмъ самый правдоподобный и фактически-вѣрный рассказъ лѣтописца. Вообще, Шекспиръ неспособенъ былъ оставаться мелочно-последовательнымъ и мелочно-точнымъ въ своёмъ драматизированіи событій отечественной исторіи: онъ болѣе заботился о

естественности и духовной правды создаваемого им, чѣмъ о критической разработкѣ историческаго матеріала. Но обработка историческаго матеріала хроникъ оказала благотѣлнѣйшее вліяніе на могущественный талантъ Шекспира и, стѣсняя его громадныя творческія силы, обуздывая неудержимые порывы его фантазіи, воспитала, и приготовила его къ послѣдующей безсмертной дѣятельности на поприщѣ драматической литературы. Для творческой фантазіи Шекспира созданіе хроникъ было превосходною школою развитія. Дѣйствительно, Шекспиръ долженъ былъ на каждомъ шагѣ испытывать стѣсненія при этой обработкѣ характеровъ и сюжетовъ, всѣмъ извѣстныхъ, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ, всѣмъ близкихъ, по недавнимъ воспоминаніямъ. Это послѣднее обстоятельство было въ то же время и главною причиною важнѣйшихъ отступленій Шекспира отъ строгой исторической истины въ описаніи нѣкоторыхъ характеровъ и при послѣдовательномъ изложеніи событій. Онъ старался писать свои хроники для всѣхъ, а не для одного какого-нибудь класса людей, а потому и лица, и событія выставялъ въ томъ свѣтѣ, въ которомъ всѣ привыкли ихъ себѣ представлять: отсюда и преувеличеніе жестокости въ характерѣ Ричарда III, и преувеличеніе нравственныхъ достоинствъ въ характерѣ Генриха VI. Обѣ эти личности, наравнѣ со множествомъ другихъ, должны были явиться въ хроникахъ такими, какими онѣ сохранились въ народной памяти. Подъ вліяніемъ этого постоянного стремленія къ согласованію исторической истины съ народными представленіями объ историческихъ лицахъ и событіяхъ, Шекспиръ написалъ всѣ свои хроники и придалъ имъ тотъ чисто-національный колоритъ, которымъ проникнута жизнь и исторія Англіи и которымъ такъ справедливо гордится эта страна.

Такъ какъ важнѣйшая часть хроникъ Шекспира относится къ періоду борьбы Алой и Бѣлой Розы, слѣдовательно, къ періоду паденія Ланкастерскаго дома, то мы и дадимъ здѣсь общій очеркъ этого періода исторіи Англіи для того, чтобы

ознакомить читателя съ эпохою, къ которой относятся Шекспировы хроники. Предшествующій этому періодъ возвышенія Ланкастерскаго дома, обнимающій собою царствованія Ричарда II, Генриха IV и Генриха V, мы рассмотримъ менѣе подробно, потому что хроники Шекспира, относящіяся къ этому періоду, менѣе нуждаются въ историческомъ комментарий, чѣмъ «Генрихъ VI» и «Ричардъ III», полныя мелкихъ подробностей и намѣковъ на историческія событія.

Періодъ борьбы Ланкастерскаго и Йоркскаго домовъ, извѣстный подъ названіемъ: «войны Алой и Бѣлой Розы», такъ какъ алая роза была гербомъ Ланкастерскаго, а бѣлая – гербомъ Йоркскаго домовъ, представляетъ собою безпримѣрное явленіе въ исторіи европейскихъ государствъ. Борьба эта,

продолжавшаяся съ самыми небольшими перерывами въ теченіи почти тридцати пяти лѣтъ (1450 – 1485), потрясла до основанія весь государственный строй Англіи. Феодалнымъ порядкамъ нанесенъ былъ окончательный ударъ; цѣлые роды феодалной знати погибли въ бояхъ, въ изгнаніяхъ, на плахѣ или, утративъ большую часть своихъ богатствъ и владѣній, вмѣстѣ съ тѣмъ, утратили навсегда и свое значеніе. Народъ, принимавшій невольное участіе въ борьбѣ, созналъ свои силы и права – и это сознаніе было достаточною наградою за всѣ убытки и лишенія, какія пришлось ему претерпѣть во время междоусобій. Притомъ необходимость заставляла каждого гражданина, въ это тяжелое время, неизбѣжно приставать къ той или другой партіи, а черезъ это развивала и воспитывала его къ политической дѣятельности. И между-тѣмъ какъ княжескіе и дворянскіе роды гибли и исчезали безвозвратно, средніе классы (городское населеніе) болѣе и болѣе получали значенія въ государственной жизни и, подъ конецъ борьбы Алой и Бѣлой Розы, были даже настолько сильны, что ихъ участіе давало перевѣсъ той или другой изъ борющихся сторонъ. Такое возвышеніе средняго сословія можетъ быть признано важнѣйшимъ результатомъ этой кровавой войны; зато, съ другой стороны, вопросъ о необходимости церковной реформы въ Англіи былъ отодвинутъ на задній планъ и вновь поднять уже спустя много лѣтъ послѣ окончанія войны Алой и Бѣлой Розы.

Поводомъ къ борьбѣ Йоркскаго дома съ Ланкастерскимъ были чисто-династическіе интересы обоихъ домовъ. Для яснаго пониманія этихъ поводовъ, необходимо войти въ нѣкоторыя подробности, хотя эти подробности нѣсколько отвлекутъ насъ отъ описанія войны Алой и Бѣлой Розы, которая разразилась окончательно уже въ половинѣ царствованія Генриха VI.

Эдуардъ III, король англійскій, умеръ въ 1377 году, не оставивъ по себѣ прямого наслѣдника, потому что сынъ его Эдуардъ, прозванный Чернымъ Принцемъ, прославившійся геройскими подвигами въ войнахъ съ Франціею, умеръ за годъ до смерти отца. Гораздо ранѣе этого времени умеръ и другой сынъ Эдуарда III, Ліонель, оставивъ по себѣ только одну дочь, по имени Филиппу, которая вышла за графа Эдмунда Мортимера. Отъ этого союза произошелъ Рожеръ Мортимеръ, о которомъ еще будетъ не разъ говорено впослѣдствіи. Итакъ, по англійскимъ законамъ престолонаслѣдія, англійская корона перешла въ руки Ричарда II, который былъ единственнымъ сыномъ Чернаго Принца, и, слѣдовательно, внукомъ Эдуарда III. На престолъ вступилъ онъ 11 лѣтъ отъ роду, и прямо попалъ подъ опеку своихъ дядей и знатнѣйшихъ лордовъ. Отношенія его къ дядямъ будутъ подробнѣе изложены нами въ предисловіи къ «Ричарду II»; здѣсь же покамѣстъ достаточно будетъ замѣтить, что Ричардъ II былъ свергнутъ съ престола въ 1399 году своимъ двоюроднымъ братомъ, Генрихомъ Болинброкомъ, который, подъ именемъ Генриха IV, вступилъ на престолъ, не имѣя на то никакихъ правъ. Это вступленіе было вдвойнѣ несправедливымъ: оно не только лишило престола потомство Чернаго Принца, но и потомство Ліонеля, который послѣ Чернаго Принца болѣе всего имѣлъ правъ на англійскій престолъ. И хотя ни миролюбивый и кроткій Эдмундъ Мортимеръ, ни сынъ его Роджеръ не

заявили своихъ законныхъ правъ на англійскій престолъ, однакоже черезъ сестру Эдмунда Мортимера – Анну, права Ліонеля перешли въ Йоркскій домъ, когда она вышла замужъ за Ричарда Кэмбриджскаго, младшаго сына герцога Йоркскаго и внука Эдуарда III. Хотя Ричардъ Йоркскій,

заявившій свои права вооруженною рукою уже въ царствованіе Генриха V, погибъ на плахѣ въ 1415 году, однакоже сынъ его Ричардъ, герцогъ Йоркскій, въ царствованіе Генриха VI, снова поднялъ вопросъ о правахъ Йоркскаго дома и подалъ поводъ къ кровавой борьбѣ, которая окончилась гибелью всѣхъ Плантагенетовъ и вступленіемъ на англійскій престолъ фамиліи Тюдоровъ, въ лицѣ молодого Генриха VII.

Нашъ общій историческій очеркъ къ хроникамъ Шекспира начнемъ мы именно съ того момента царствованія короля Генриха VI, когда герцогъ Ричардъ Йоркскій успѣлъ уже пріобрѣсти въ Англіи такое значеніе, занять между принцами крови такое мѣсто, что и Генрихъ VI, и, особенно жена его, знаменитая Маргарита Анжуйская, уже стали явно опасаться его, и тѣмъ самымъ подали поводъ къ первымъ междоусобіямъ.

Король Генрихъ V умеръ въ Августъ 1422 года, въ то самое время, когда война Англіи съ Франціею начинала принимать весьма неблагоприятный оборотъ для Англіи. Наслѣдникомъ Генриха V остался его девятимѣсячный сынъ, Генрихъ VI. Парламентъ поспѣшилъ назначить дядю его Гумфрея, герцога Глостерскаго, регентомъ и правителемъ королевства, подъ надзоромъ особо-избраннаго совѣта изъ важнѣйшихъ свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ государства. Все дѣтство Генриха VI прошло подъ тяжелою опекою герцога Глостерскаго, человѣка крайне-честолюбиваго, который безпрестанно ссорился со всѣми и особенно не ладилъ съ могущественнымъ епископомъ Бьюфортомъ. Другой дядя Генриха VI, герцогъ Іоаннъ Бедфордъ, былъ въ то же время такъ занятъ войною во Франціи, гдѣ во главѣ французскихъ войскъ явилась тогда Іоанна д'Аркъ, что ему некогда было позаботиться ни о своемъ племянникѣ, ни вообще о томъ, что дѣлалось въ Англіи. Онъ требовалъ только постоянныхъ подкрѣпленій и деньгами, и войскомъ, употребляя всевозможныя усилія, чтобы удержать за Англіею всѣ завоеванія Генриха V. Лишь изрѣдка бывалъ онъ вынужденъ заглядывать въ Англію, и именно въ то время, когда его присутствіе было необходимо для прекращенія раздоровъ между придворными партіями, во главѣ которыхъ стоялъ, съ одной стороны, его братъ, герцогъ Глостерскій, а съ другой – епископъ Бьюфортъ.

Наконецъ, послѣ того какъ герцогу Бедфорду удалось захватить Іоанну д'Аркъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и положить конецъ завоевательнымъ планамъ Карла VII, короля французскаго, который далеко уступалъ ему и въ способностяхъ, и въ энергіи, и въ любви къ родинѣ, Бедфордъ короновалъ своего племянника Генриха VI въ Парижѣ, когда тому пошелъ девятый годъ. Этимъ думалъ онъ положить конецъ придворнымъ интригамъ и проискамъ своего брата Гумфрея; но Генрихъ не успѣлъ еще вырасти и окрѣпнуть, когда

въ 1435 году герцогъ Бедфордъ неожиданно скончался, оплакиваемый всѣми, кому было дорого благо и спокойствіе родины. Тринадцатилѣтній Генрихъ VI опять подпалъ прежней опеке герцога Глостерскаго, и жизнь его опять потекла по прежнему, среди нескончаемыхъ раздоровъ двора, среди происковъ и интригъ безпокойной знати, которая дорожила только своими собственными интересами, не заботясь ни о спокойствіи, ни о славѣ отечества. Около этого времени дѣла англичанъ во Франціи пошли крайне неуспѣшно, и тогда-какъ французы одерживали побѣду за побѣдой и шагъ за шагомъ отбивали у англичанъ свою родную землю, Англія истощала послѣднія свои силы – и въ людяхъ, и въ деньгахъ, въ неравной и безразсудной борьбѣ для удержанія за собою завоеваній Генриха V. Наконецъ, всѣ должны были прійти въ Англіи къ тому убѣжденію, что дальнѣйшая борьба за французскія владѣнія невозможна. Одинъ только Гумфрей Глостерскій стоялъ на сторонѣ той партіи, которая требовала продолженія войны и, разжигая въ народѣ буйныя страсти, открыто обвиняла въ измѣнѣ всѣхъ, кто желалъ мира и спокойствія. Партія мира, однакоже, на этотъ разъ одержала верхъ – и, въ 1445 году, графъ Суффолькъ, отправленный во Францію для переговоровъ, успѣшно окончилъ войну, правда, заплативъ за миръ большею частью англійскихъ владѣній во Франціи, но за то и упрочивъ мирный трактатъ со Франціею при помощи брачнаго союза, заключеннаго между Генрихомъ VI и Маргаритой Анжуйской.

Послѣ того, какъ эта роковая для Ланкастерскаго дома свадьба была очень бѣдно и тихо отпразднована въ Лондонѣ и двадцатитрехлѣтній Генрихъ женился на

знаменитой Маргаритѣ Анжуйской, судьба этого несчастнаго короля очень мало измѣнилась къ лучшему: онъ только перешелъ изъ-подъ одной строгой опеки подъ другую, не менѣе строгую. Жена его, несмотря на свою молодость, была женщина необычайно самолюбивая, одаренная большимъ умомъ, необъятнымъ властолюбіемъ и такою твердостью воли, которой бы могъ позавидовать любой мужчина. Очень быстро подчинила она себѣ не только короля, но и весь дворъ, сумѣла ослабить вліяніе кардинала Бьюфорта и заклатаго врага его Гумфрея Глостерскаго, и вполнѣ довѣрилась Суффольку, которому была обязана англійскою короною. Вскорѣ сама судьба открыла ей поле дѣйствій. Въ 1447 году герцогъ Глостерскій скоропостижно умеръ въ то самое время, какъ, по проискамъ кардинала Бьюфорта и по желанію королевы, взятъ былъ подъ стражу. Вскорѣ послѣ его смерти, скончался и его непримиримый врагъ, кардиналъ Бьюфортъ. Послѣ смерти этихъ двухъ могущественныхъ дѣятелей первой половины царствованія Генриха VI, Суффолькъ остался одинъ полновластнымъ представителемъ королевской власти въ Англіи. Королева довѣрялась ему вполнѣ и дѣйствовала съ нимъ заодно; Генрихъ VI попрежнему представлялъ собою только тѣнь короля; вся англійская знать ненавидѣла Суффолька и завистливо слѣдила за каждымъ его

шагомъ, не смѣя однако же ему прекословить; народъ видѣлъ въ немъ измѣнника, который продалъ французамъ земли, купленные англійской кровью и англійскими деньгами, и вымѣнилъ на нихъ француженку-королеву. Все втайнѣ и глухо волновалось, между тѣмъ какъ Суффолькъ до самозабвенія наслаждался своимъ неограниченнымъ могуществомъ и тѣмъ мѣстомъ, какое занималъ въ государствѣ и, въ ослѣпленіи своемъ, часто способенъ былъ дѣлать весьма важные промахи въ управленіи государствомъ. Народъ сильно терпѣлъ отъ налоговъ, а между тѣмъ государственная казна была постоянно пуста. Предстояла борьба съ Франціею, а во флотѣ и въ войскѣ оказывались разныя упущенія и полная неприготовленность къ защитѣ государства отъ внѣшнихъ враговъ. Тогда народъ сталъ не только громко роптать противъ Суффолька, но въ разныхъ мѣстахъ начались и открытыя возмущенія, при которыхъ народъ всюду безжалостно убивалъ тѣхъ государственныхъ чиновниковъ, которые были назначены Суффолькомъ. Правительство, слишкомъ хорошо сознавая всю свою слабость, рѣшилось потушить зачатки мятежа угожденіемъ народной волѣ. На Суффолька были взведены самыя безсмысленныя и грубо-вымышленныя обвиненія, на основаніи которыхъ онъ сначала запертъ былъ въ Тоуэръ, а потомъ, несмотря на весьма основательное и умное оправданіе свое, изгнанъ на пять лѣтъ изъ Англіи. Но изгнаніе это кончилось гораздо ранѣе, чѣмъ ожидало правительство, потому что Суффолькъ былъ самовольно казненъ матросами во время переѣзда во Францію и умеръ съ геройскимъ мужествомъ. Правительство не рѣшалось даже наказать виновныхъ въ такомъ самоуправствѣ; ему было не до правосудія: оно видѣло передъ собою новыя опасности, такъ какъ въ это время явился новый, весьма важный претендентъ на англійскій престолъ въ лицѣ Ричарда, герцога Йоркскаго, о которомъ мы уже говорили выше. Напрасно и король, и королева старались задобрить и привлечь его на свою сторону вниманіемъ и милостями всякаго рода. Ричардъ Йоркскій принималъ ихъ съ благодарностью, но видно было, что онъ слишкомъ хорошо понимаетъ значеніе своихъ правъ и нимало не намѣренъ отъ нихъ отказываться, тѣмъ болѣе, что смутное время могло значительно блаприятствовать всевозможнымъ, даже и гораздо менѣе основательнымъ притязаніямъ. Умная Маргарита, по совѣту Сомерсета и другихъ своихъ приверженцевъ, рѣшилась удалить Ричарда Йорскаго отъ двора, и ему предложили весьма почетное званіе правителя Ирландіи. Ричардъ, тогда еще неувѣренный въ возможности успѣха, принялъ это назначеніе съ особенною готовностью, но изъ Ирландіи продолжалъ по прежнему внимательно и зорко слѣдить за ходомъ дѣлъ въ Англіи, выжидая удобной минуты для приведенія въ исполненіе своихъ глубоко-обдуманыхъ замысловъ. Наконецъ, въ 1450 году, когда чернь, возставшая въ южныхъ графствахъ подъ предводительствомъ какого-то Джона Каде, послѣ множества убійствъ и казней, была, наконецъ, усмирена и вынуждена къ покорности; когда умы, еще не успѣвшіе

успокоиться, готовы были безпрестанно сочувствовать новымъ возстаніямъ, вдругъ распространился слухъ, что герцогъ Іоркскій, покинувъ свой важный постъ въ Ирландіи безъ дозволенія короля, идетъ съ уэльскими вассалами къ столицѣ. На пути своемъ къ Лондону, герцогъ всюду провозглашалъ, что не питаетъ никакихъ дурныхъ замысловъ ни противъ короля, ни противъ общественнаго спокойствія, а желаетъ только, чтобы, для общаго блага, король удалилъ отъ себя тѣхъ злыхъ совѣтниковъ, которые привели государство на край гибели. Этимъ заявленіемъ онъ очень ловко умѣлъ польстить надеждамъ народа, который несъ на себѣ дѣйствительно тяжкіе налоги и безпрестанно терпѣлъ отъ религіозныхъ преслѣдованій, находившихъ себѣ поддержку и въ Маргаритѣ, и въ Генрихѣ – строгихъ католиковъ. Неудивительно, что народъ болѣе и болѣе становился враждебенъ правительству, и готовъ былъ поддерживать всякаго, кто бы посулилъ ему облегченіе его участи въ будущемъ. На первый разъ, однако же, дѣло не дошло до кровопролитія. Когда король Генрихъ съ войскомъ повстрѣчалъ герцога Іоркскаго и небольшой отрядъ его вассаловъ, герцогъ опять торжественно объявилъ, что онъ не измѣняетъ своей присягѣ и является требовать отъ короля «во имя общественнаго блага» только удаленія людей, которыхъ общій голосъ называлъ измѣнниками и во главѣ которыхъ стоялъ новый любимецъ королевы, герцогъ Сомерсетъ. И король, и королева, на первый разъ, рѣшились дѣйствовать противъ герцога Іоркскаго очень твердо и рѣшительно. Надававъ ему различныхъ обѣщаній, они ни одного изъ нихъ не исполнили и даже отвѣчали на требованья его обвиненіями въ измѣнѣ, вслѣдствіе чего Ричардъ и былъ запертъ въ Тоуэръ. Смѣлый шагъ претендента, вѣроятно, стоилъ бы ему жизни, еслибы слабый и не рѣшительный Генрихъ, видя, какъ отовсюду на выручку Ричарда стали собираться его вассалы и могущественная родня, не поспѣшилъ выпустить своего опаснаго противника изъ заключенія.

Дѣло, можетъ быть, при этомъ бы и осталось надолго, если бы самое странное стеченіе обстоятельствъ не предало судьбы дома Ланкастерскаго въ руки Ричарда Іоркскаго. Въ 1453 году разразилась новая война съ Франціей, которая въ томъ же году окончилась для Англіи цѣлымъ рядомъ жестокихъ пораженій и самыми унижительными условіями мира, по которымъ Калэ остался единственнымъ владѣніемъ англичанъ во Франціи. Очень понятно, что патріотическое раздраженіе и въ обществѣ, и въ народѣ достигло крайнихъ предѣловъ и обратилось преимущественно на Сомерсета, который по прежнему заправлялъ всѣмъ государствомъ, между тѣмъ какъ Генрихъ VI молился и читалъ сочиненія Отцовъ Церкви. Къ тому же, именно около этого времени, Сомерсетъ лишился своей главной опоры: королева, которую всѣ уже начинали считать бесплодною, вдругъ разрѣшилась мальчикомъ, а нѣсколько дней спустя, Генрихъ VI заболѣлъ какою-то странною болѣзнью, чѣмъ то вродѣ разжиженія мозга. Собрался парламентъ и, убѣдившись въ полной неспособности короля къ управленію государствомъ, назначилъ герцога Іоркскаго правителемъ впредь до выздоровленія короля или до совершеннолѣтія новорожденнаго наслѣдника. Очень ясно, что непрѣмѣннымъ слѣдствіемъ такого новаго назначенія было то, что Сомерсетъ,

личный и непримиримый врагъ Ричарда, былъ захваченъ *въ покояхъ самой королевы* и запертъ въ Тоуэръ.

Почти тотчасъ послѣ того всѣ приверженцы Сомерсета и Маргариты были отставлены отъ государственныхъ должностей и замѣщены немедленно людьми, въ которыхъ Ричардъ Йоркскій могъ быть твердо увѣренъ. Около года продолжалось умное и осторожное правленіе его. Но едва только въ началѣ 1455 года король сталъ оправляться, какъ Маргарита побудила его отнять власть у Ричарда, выпустить Сомерсета изъ Тоуэра, смѣстить всѣхъ приверженцевъ Йорка - и все опять пошло по старому. Ричардъ уступилъ безмолвно и удалился изъ Лондона, но не болѣе, какъ черезъ два мѣсяца послѣ того, онъ, во главѣ многочисленныхъ своихъ вассаловъ и отовсюду сбѣжавшагося къ нему народа, уже шелъ къ Лондону, вездѣ объявляя себя на пути защитникомъ народныхъ правъ и врагомъ королевиныхъ любимцевъ. Король, королева и Сомерсетъ поспѣшили на сѣверъ, гдѣ Ланкастерскій домъ имѣлъ особенно много приверженцевъ, собрали войско и сошлись съ врагомъ у Сентъ-Альбанса.

11

Йоркъ, наканунѣ битвы, еще разъ, въ присутствіи всѣхъ, присягнулъ, что идетъ не противъ короля, и, обращаясь къ войску, отдалъ приказаніе, чтобы въ битвѣ щадили простой народъ, но чтобы ни въ какомъ случаѣ не давали пощады рыцарямъ и знатнымъ приверженцамъ Ланкастерскаго дома. Битва была ужасная. Ланкастерцы, укрѣпившись въ городѣ и засѣвъ въ домахъ, защищались отчаянно, подѣ начальствомъ Клиффорда, пока, наконецъ, графъ Варвикъ, сынъ герцога Салисбери, съ небольшимъ отрядомъ такихъ же отчаянныхъ храбрецовъ, какъ онъ самъ, не зашелъ черезъ городскіе сады въ тылъ ланкастерцамъ и не ударилъ на нихъ между тѣмъ какъ воины его неистово кричали: «Варвикъ! Варвикъ!» Все отступило передъ нимъ и побѣжало вразсыпную. Вслѣдъ за этимъ ударомъ йоркисты со всѣхъ сторонъ ворвались въ городъ – и началась невообразимая рѣзня, среди которой погибла большая часть враговъ Йоркскаго дома: Сомерсетъ, Нортумберландъ, Клиффордъ и около 120 сопровождавшихъ ихъ рыцарей. Послѣ окончанія битвы, Йоркъ, вмѣстѣ съ Салисбери, Варвикомъ и другими представителями своей партіи, вошелъ въ палатку короля, преклонилъ передъ нимъ колѣна и объявилъ себя покорнымъ вассаломъ. Несчастнаго короля повезли обратно въ Лондонъ, оказывая ему всѣ внѣшніе знаки уваженія. Вскорѣ послѣ того король опять заболѣлъ своею прежнею немочью, и парламентъ, въ которомъ вновь явилось много йоркистовъ, объявилъ Йорка попрежнему *защитникомъ и покровителемъ* королевства. На этотъ разъ правленіе его было еще короче, чѣмъ во время первой болѣзни короля, потому что сама болѣзнь Генриха была менѣе продолжительна. Но едва успѣлъ выздоровѣть король, какъ ненависть между партіями, возбуждаемая неукротимой Маргаритой, загорѣлась еще съ большею силою, чѣмъ прежде. Ланкастерцы обвиняли йоркистовъ въ государственной измѣнѣ; йоркисты жаловались королю на ланкастерцевъ,

доказывая, что они ни минуты не могут считать себя въ безопасности, и ссылались на разныя покушенія къ тайнымъ убійствамъ, произведенныя противъ герцоговъ Йорка, Салисбюри и графа Варвика. Генрихъ рѣшился въ послѣдній разъ попытаться примирить обѣ партіи, и въ январѣ 1458 года пригласилъ съ этою цѣлью важнѣйшихъ представителей той и другой стороны въ Лондонъ. Странно было видѣть гражданамъ своихъ герцоговъ, графовъ и бароновъ, которые съѣзжались отовсюду въ Лондонъ съ многочисленными свитами, закованными въ желѣзо, вооруженными съ головы до ногъ. Лордъ-мэръ, опасаясь за спокойствіе города, приказалъ вооружить 5000 отборныхъ гражданъ и держалъ ихъ наготовѣ на случай безпорядка, между тѣмъ какъ обѣ партіи, скрывая ненависть, торжественно клялись въ Вестминстерѣ – не проливать болѣе крови изъ-за взаимной вражды и забыть все прошлое. Черезъ два дня послѣ того было снова сдѣлано покушеніе на жизнь Варвика, который едва успѣлъ спасти отъ убійцы и немедленно отплылъ за море, въ Калэ, гдѣ онъ, за нѣсколько времени до этого, былъ назначенъ полномочнымъ губернаторомъ. Всѣ остальные йоркисты также удалились изъ Лондона и засѣли по своимъ укрѣпленнымъ замкамъ.

Спокойствіе длилось не долго. Въ слѣдующемъ, 1459 году, обѣ стороны опять начали открыто собирать военныя силы и вскорѣ выступили въ поле. Сначала перевѣсъ былъ на сторонѣ йоркистовъ; но въ то время, когда оба войска сошлись при Лудлоу и завязалась рѣшительная битва, сэръ Андру Троллопъ, командовавшій лучшимъ отрядомъ йоркистовъ, по неизвѣстной причинѣ, перешелъ на сторону ланкастерцевъ, что и побудило йоркистовъ немедленно разсѣяться въ разныя стороны. Ричардъ Йоркскій скрылся съ младшими сыновьями своими въ Ирландію, гдѣ всѣ его очень любили: Варвикъ со старшимъ сыномъ Ричарда, Эдуардомъ, бѣжалъ въ Калэ. Ланкастерцы торжествовали побѣду и жестоко преслѣдовали своихъ враговъ; никто изъ нихъ, повидимому, вовсе не понималъ, что побѣда эта не можетъ имѣть никакого вліянія на измѣненіе ихъ тяжкаго положенія.

Йоркисты не унывали и удивительно смѣло, открыто продолжали изъ Калэ и изъ Ирландіи вести сношенія съ Англіей и всѣми способами возбуждать народъ противъ правительства. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ іюня 1460 года, Варвикъ и сынъ Ричарда, Эдуардъ, съ горстью смѣльчаковъ

высадились на южномъ берегу Англіи. Горсть эта тотчасъ же начала возрастать отъ присоединенія къ ней недовольныхъ современнымъ порядкомъ вещей, и 2-го іюля Варвикъ уже вступилъ въ Лондонъ во главѣ тридцатитысячнаго войска. На крестѣ Оомы Бехета поклялся онъ, что не замышляетъ ничего противъ помазанника Божія и, оставивъ отца своего въ Лондонѣ для осады Тоуэра, самъ быстро двинулся навстрѣчу ланкастерцамъ, которыхъ мужественная Маргарита успѣла собрать и воодушевить къ борьбѣ. Король, королева и все бывшее съ ними войско засѣли въ Нортгэмптонѣ и выжидали непріятеля, окопавшись высокимъ валомъ и рвомъ. Когда йоркисты

стали брать городъ приступомъ, то были нѣсколько разъ отбиты съ большимъ урономъ; но лордъ Грей измѣнилъ королю и помогъ іоркистамъ перелѣзть черезъ валъ, и тутъ-то вновь началась рѣзня, среди которой погибли герцогъ Бокингемъ, графъ Шрусбери и почти 300 рыцарей и знатныхъ ланкастерцевъ. Казалось, что и само небо было въ заговорѣ съ Варвикомъ: дождь лилъ какъ изъ ведра во все время битвы, артиллерія ланкастерцевъ не могла по грязи двинуться съ мѣста, и когда войско ихъ ударилось бѣжать, множество людей потонуло въ разливахъ рѣкъ и прудовъ, которые выступили изъ береговъ отъ чрезмѣрнаго ливня. За битвою послѣдовало опять весьма почтительное препровожденіе Генриха въ Лондонъ, между тѣмъ какъ Маргарита и сынъ ея бѣжали къ Уэльсу и, ограбленные своими собственными слугами на дорогѣ, съ большимъ трудомъ пробрались потомъ въ Шотландію.

Когда слухъ о побѣдѣ достигъ Ирландіи, герцогъ Ричардъ переплылъ въ Англію и торжественно, съ истинно-царскимъ величіемъ, направился къ столицѣ, гдѣ и былъ встрѣченъ народомъ, какъ побѣдитель. Тотчасъ же обнаружилось, что его намѣренія были не совсѣмъ чисты, потому что онъ, не выжидая болѣе, заявилъ въ письмѣ парламенту свои права и притязанія на престолъ. Парламентъ, однакоже, оказался не слишкомъ расположеннымъ къ перемѣнѣ власти и передалъ письмо Ричарда Іоркскаго самому Генриху на разсмотрѣніе. Генрихъ, глубоко начитанный не только въ Св. Писаніи и твореніяхъ Отцовъ Церкви, но и въ отечественныхъ лѣтописяхъ, на этотъ разъ счумѣлъ защитить свои права книжными цитатами гораздо лучше, чѣмъ оружіемъ. Парламентъ, принявъ въ соображеніе отвѣтъ Генриха, рѣшилъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть лишенъ престола. Послѣ долгихъ сборовъ, съ общаго согласія положили, что Ричарду достанется престолъ не иначе, какъ послѣ смерти Генриха, почему еще при жизни короля его объявили наслѣдникомъ престола, совершенно устранивъ отъ престолонаслѣдія маленькаго сына Маргариты, Эдуарда.

Едва успѣли заключить этотъ договоръ, какъ уже на сѣверѣ стали собираться новыя грозныя тучи. Нортумберландъ, Клиффордъ и другіе представители Ланкастерской партіи собрали въ графствѣ іоркскомъ войско и выжидали только удобной минуты для начала дѣйствій. Герцогъ Ричардъ Іоркскій немедленно рѣшился уничтожить эти – какъ онъ думалъ – послѣднія силы ланкастерцевъ. Не зная численности непріятельскаго войска, съ небольшимъ – шеститысячнымъ – отрядомъ ударилъ герцогъ противъ втрое сильнѣйшаго врага и – потерпѣлъ окончательное пораженіе. Ланкастерцы свирѣпствовали ужасно: менѣе чѣмъ въ полчаса избили они около 2800 іоркистовъ; въ числѣ ихъ былъ убитъ и одинъ изъ сыновей Ричарда, Эдмундъ. Самъ Ричардъ попался въ плѣнъ и долженъ былъ подвергнуться самымъ унижительнымъ осмѣяніямъ. Его посадили на муравейникъ, надѣли ему на голову корону, сплетенную изъ травы, и среди неистовыхъ криковъ: «да здравствуетъ король безъ королевства, да здравствуетъ князь безъ владѣній!» отрубили ему голову. Семнадцатилѣтній сынъ его Рутлэндъ, былъ настигнутъ въ то время, какъ вмѣстѣ съ своимъ воспитателемъ спасался бѣгствомъ черезъ мостъ. Юноша упалъ на колѣни передъ лордомъ Клиффордомъ, безмолвно моля о пощадѣ. «А! – это сынъ Іорка!» закричалъ ему Клиффордъ съ злобой

усмѣшкой: «Ну, твой отецъ убилъ моего сына, а я убью тебя и всѣхъ твоихъ!» И при этихъ словахъ пронзилъ его мечомъ. Головы Ричарда и его сыновей были съ торжествомъ принесены Маргаритѣ, которая приказала выставить ихъ на воротахъ города Йорка и надѣть на голову Йорка бумажную корону.

13

Когда слухъ объ этомъ пораженіи дошелъ до Эдуарда, старшаго сына Ричарда Йоркскаго, молодой и пламенно-храбрый юноша поклялся отомстить за мученическую смерть отца. Со своими вассалами и небольшимъ войскомъ выступилъ онъ противъ ланкастерцевъ, которые двигались медленно къ Лондону, все опустошая и грабя на своемъ пути. 2-го февраля разбилъ Эдуардъ ихъ передовой отрядъ при Вигморѣ, но долженъ былъ уклониться отъ главнаго ихъ корпуса, который повстрѣчался съ войсками Варвика и заставилъ его также отступить, послѣ неудачной битвы при Сентъ-Альбансѣ, оставивъ и лагерь, и короля Генриха VI въ рукахъ ланкастерцевъ. Если бы тотчасъ послѣ этого ланкастерцы двинулись къ столицѣ и заняли ее, едва ли бы йоркисты могли скоро оправиться и собраться съ силами. Но они медлили, не двигались впередъ и попрежнему продолжали грабить и опустошать все, что попадалось имъ на пути. Вслѣдствіи этого, съ одной стороны, они возбудили противъ себя такую ненависть въ южныхъ графствахъ, что народъ сталъ толпами сходиться подъ знамена Эдуарда; а съ другой стороны, Эдуардъ и Варвикъ успѣли соединиться и вступить въ Лондонъ. Тамъ йоркисты очень искусно умѣли доказать, что убійство Ричарда Йоркскаго, послѣ того какъ онъ былъ признанъ парламентомъ за наслѣдника престола, было государственною измѣною, которая заслуживаетъ примѣрнаго наказанія и слѣдствіемъ которой должно быть низверженіе ланкастерской династіи. Всѣ сословія единогласно провозгласили королемъ Эдуарда, старшаго сына герцога Ричарда Йоркскаго, и въ мартѣ 1461 года онъ вступилъ на престолъ, подъ именемъ Эдуарда IV. Его спѣшили короновать въ Лондонѣ, между-тѣмъ какъ ланкастерцы должны были отступить къ сѣверу, опасаясь народной войны на югѣ. Самъ король Эдуардъ не медлилъ ни минуты, и, не смотря на то, что ему было всего 19 лѣтъ отъ роду, не прельстился, въ виду угрожавшей опасности, блескомъ праздниковъ, которыми граждане Лондона старались выказать ему свою радость при его вступленіи на престолъ. 2-го марта былъ онъ возведенъ на престолъ; 5-го онъ уже разсылалъ всюду своихъ лордовъ для собиранія войска, а 12-го - самъ выступилъ въ походъ.

Послѣ нѣсколькихъ болѣе или менѣе удачныхъ стычекъ между отдѣльными отрядами, войска обѣихъ сторонъ сошлись, наконецъ, 28-го марта, на полѣ близъ Йорка. На сторонѣ ланкастерцевъ было 60,000 войска; на сторонѣ йоркистовъ – 48,000 человекъ. Отчаянная битва длилась два дня сряду. И съ той, и съ другой стороны принято было за правило никого не брать въ плѣнъ, никому не давать пощады. Половина Англіи сражалась здѣсь, забывъ о родствѣ и разорвавъ всѣ человѣческія узы: брать шелъ на брата, отецъ – на сына. Только подъ конецъ второго дня, удачное движеніе герцога Норфолька,

который подоспѣлъ со свѣжими силами на поле битвы, преклонило побѣду на сторону іоркистовъ. Невозможно описать все то, что происходило потомъ, когда разъяренные побѣдители гнались за бѣглецами, убивали ихъ, топтали конями и топили въ рѣчкѣ Канъ, черезъ которую ланкастерцамъ приходилось перебираться. Современный лѣтописецъ рассказываетъ, что «вода въ ней замутилась отъ крови» и что «на много миль почти до самаго города (Іорка), видны были на снѣгу кровавые слѣды бѣжавшихъ». Довольно будетъ того, если мы скажемъ, что на полѣ битвы осталось 30,000 труповъ! Графы Девонширскій и Вилтъширскій, взятые въ плѣнъ, были немедленно казнены и головы ихъ выставлены надъ городскими воротами въ городѣ Іоркѣ, на мѣстѣ снятыхъ со стѣны головъ Ричарда и его сыновей. Побѣда, одержанная Эдуардомъ при Тоунтонѣ, близъ Іорка, привела въ восторгъ жителей Лондона, которые торжественно привѣтствовали молодого, побѣдоносно вѣзжавшаго къ нимъ, красавца-короля. 26-го октября происходилъ этотъ вѣздъ, а 29-го Эдуардъ уже короновался въ Вестминстерѣ. И некогда было медлить: отовсюду грозили новому королю опасности и измѣна; но онъ былъ на все готовъ. Немедленно собралъ онъ парламентъ, въ которомъ знатныхъ было, конечно, очень немного. Эдуардъ весьма ловко умѣлъ польстить среднему сословію, далъ разныя льготы народу, а между тѣмъ всѣхъ просилъ о помощи – и дѣйствительно получилъ значительныя вспомогательныя суммы

отъ всѣхъ сословій, которыя не безъ основанія видѣли въ этихъ деньгахъ залогъ своего спокойствія и безопасности.

Маргарита между-тѣмъ переправилась изъ Ирландіи во Францію, явилась при французскомъ дворѣ и умоляла Лудовика XI о помощи. Послѣ самыхъ отчаянныхъ усилій, ей удалось, наконецъ, вымолить всевозможными обѣщаніями уступокъ небольшую сумму денегъ у скупого короля. На эти деньги наняла она небольшое войско, съ которымъ и переправилась въ Англію, гдѣ надѣялась своимъ появленіемъ вновь ободрить приверженцевъ Ланкастерскаго дома. Однакоже на этотъ разъ попытка ея была крайне неудачна и имѣла самый жалкій исходъ; наемное войско ея, при помощи нѣсколькихъ шотландскихъ отрядовъ и немногихъ сильныхъ сѣверныхъ владѣльцевъ, еще державшихся стороны Ланкастерскаго дома, взяло нѣсколько пограничныхъ и приморскихъ крѣпостей, но онѣ очень скоро были отняты у Маргариты графомъ Варвикомъ, который быстро явился на сѣверѣ съ двадцатитысячнымъ войскомъ. Французы потерпѣли два-три пораженія и должны были поспѣшно отступить. Всѣ знатные ланкастерцы, которыхъ побѣда или измѣна предавала въ руки Варвика, были немедленно казнены, и эта безпощадность заставила многихъ изъ нихъ покидать сторону Ланкастерскаго дома и переходить на сторону Іоркскаго, гдѣ такихъ перебѣжчиковъ принимали очень милостиво и даже награждали. Маргарита увидала, что ей остается думать только о своемъ спасеніи; но и тутъ ее преслѣдовало несчастіе. Корабль, на которомъ она, со всѣми своими

сокровищами и остатками французских наемниковъ, собиралась отплыть во Францію, разбился у береговъ Англіи. Большая часть ея спутниковъ погибла въ волнахъ или была перебита по одиночкѣ прибрежными жителями. Самой Маргаритѣ, съ сыномъ ея Эдуардомъ и самою небольшою свитою, пришлось сухимъ путемъ обратно пробираться въ Шотландію, и здѣсь, на пути черезъ дремучіе лѣса, случилось съ ней то знаменитое приключеніе, которое воспѣвается во многихъ народныхъ балладахъ. При переѣздѣ черезъ лѣсную глушь, Маргарита повстрѣчалась съ шайкою разбойниковъ. Свита королевы была тотчасъ окружена и перевязана, послѣ чего разбойники принялись грабить и дѣлить добычу. Воспользовавшись этимъ временемъ, Маргарита незамѣтно ускользнула отъ разбойниковъ въ чащу и вмѣстѣ съ сыномъ пустилась бѣжать по одной изъ тропинокъ. Не успѣли они пробѣжать и сотни шаговъ, какъ опять наткнулись на разбойника. Но королева не потеряла присутствія духа: «Любезный другъ!» сказала она, обращаясь къ разбойнику: «я тебѣ довѣряю королевскаго сына съ тѣмъ, чтобы ты помогъ ему выйти изъ этого лѣса.» И разбойникъ, пораженный величіемъ королевы и ея мужественнымъ хладнокровіемъ, помогъ ей выбраться изъ лѣса на безопасную дорогу. По прибытіи въ Шотландію, Маргарита немедленно переправилась въ Голландію, оставивъ несчастнаго Генриха VI въ одномъ изъ неприступнѣйшихъ пограничныхъ замковъ.

Небольшія возстанія въ пользу Ланкастерскаго дома продолжались, однакоже, на сѣверѣ еще въ теченіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ; сильнѣйшій ударъ ланкастерцамъ нанесенъ былъ графомъ Варвикомъ въ 1464 году, когда его шпіоны указали ему убѣжище несчастнаго Генриха VI. Тщетно старался онъ укрыться отъ преслѣдованія искавшихъ его іоркистовъ въ болотахъ и лѣсахъ Ланкашира и Вестморлэнда, скитаясь по хижинамъ простыхъ поселянъ: его выдалъ врагамъ какой-то монахъ, и Варвикъ немедленно препроводилъ его подъ строгимъ присмотромъ въ Лондонъ, гдѣ онъ былъ запертъ въ одну изъ башенъ Тоуэра. Тамъ прожилъ онъ еще семь лѣтъ. Содержали его хорошо и обращались съ нимъ весьма ласково. Ему еще суждено было дожить до минутнаго торжества и до мученической смерти.

Въ это самое время Эдуардъ IV, пылкій и легко поддававшійся вліянію красивыхъ женщинъ, сдѣлалъ такой шагъ, за который долженъ былъ въ послѣдствіи поплатиться цѣлымъ рядомъ тяжелыхъ годовъ испытанія и бѣдствій. Нѣсколько разъ представлялась ему возможность выступить въ весьма выгодный и почетный бракъ съ принцессами первѣйшихъ царственныхъ домовъ западной Европы; но Эдуардъ, отъ котораго всѣ женщины въ Англіи были безъ ума, не спѣшилъ женитьбою. И вдругъ, въ концѣ 1464 года пронесся слухъ, будто Эдуардъ тайно

женился на молодой красавицѣ-вдовѣ, Елисаветѣ Грей, изъ фамиліи Вайдвиллей. Современныя свидѣтельства объясняютъ этотъ бракъ тѣмъ, что молодой король въ лицѣ Елизаветы Грей встрѣтилъ впервые женщину,

которая не обратила вниманія на его ухаживанья, и какъ онъ ни старался соблазнить ее, добродѣтель молодой вдовы восторжествовала надъ всѣми его усиліями. Это задѣло самолюбіе короля за-живое – и онъ поклялся, что Елисавета Грей будетъ его женою. Въ 1465 году бракъ этотъ былъ дѣйствительно оглашенъ, и Елисавета Грей коронована въ Лондонѣ. Вся знать была очень непріятно поражена тѣмъ, что король взялъ себѣ въ жены неровню; съ завистливымъ нетерпѣніемъ всѣ при дворѣ ожидали, что новая знать загородитъ старой дорогу къ почестямъ. Опасенія эти дѣйствительно сбылись. Вайдвилли вскорѣ оттѣснили отъ престола всѣ старые роды, и въ короткое время пріобрѣли столько помѣстій, денегъ, доходныхъ мѣстъ и важныхъ должностей, что знать возненавидѣла ихъ точно такъ же, какъ незадолго передъ тѣмъ ненавидѣла любимцевъ и единомышленниковъ Маргариты. Старинный знаменитый своими богатствомъ и могуществомъ родъ Невилей, опора Йоркскаго дома, прежде всѣхъ остальныхъ отпалъ отъ короля и сталъ сноситься съ Франціей. Съ другой стороны, въ 1468 году, во время переговоровъ, которые Варвикъ велъ, по повелѣнію Эдуарда IV, съ Лудовикомъ XI, могущественный графъ велъ себя очень двусмысленно, проводилъ наединѣ съ королемъ цѣлые часы въ тайныхъ бесѣдахъ и, очевидно, болѣе хлопоталъ о своихъ выгодахъ, чѣмъ о выгодахъ своего короля. Но это не ускользнуло отъ наблюдательнаго Эдуарда; и каково же было изумленіе гордаго Варвика, когда, покончивъ всѣ переговоры съ Франціей и явившись съ французскимъ посольствомъ ко двору Эдуарда, онъ засталъ при дворѣ посольство злѣйшаго врага Франціи – бургундскаго герцога Карла Смѣлаго. Бургундцы сватали за своего герцога сестру короля, и король былъ съ ними гораздо ласковѣе и привѣтливѣе, чѣмъ съ французами и Варвикомъ. Этого было достаточно, чтобы оскорбить самолюбиваго Варвика и возбудить въ немъ непримиримую ненависть къ Эдуарду. Такъ и случилось. Онъ быстро возвратился въ Калэ, сошелся съ Невиліями, завязалъ открыто сношенія съ Лудовикомъ XI, съ приверженцами Ланкастерскаго дома на сѣверѣ, и, наконецъ, рѣшился посѣять раздоръ въ самой королевской семьѣ. Съ этою цѣлью, онъ очень искусно умѣлъ привлечь на свою сторону Эдуардова брата, Кларенса, обѣщая ему въ будущемъ корону Англіи, которой, по словамъ Варвика, онъ будто бы былъ гораздо болѣе достоинъ, чѣмъ братъ его Эдуардъ. Легкомысленный и себялюбивый герцогъ Кларенсъ, не отличавшійся ни силою ума, ни твердостью характера, очень легко поддался Варвику, который овладѣлъ имъ дотога, что даже женилъ его на своей дочери Изабеллѣ.

Въ 1469 году на сѣверѣ разразилась гроза, которую Варвикъ давно подготавливалъ. По его наущеніямъ, сѣверяне возстали противъ королевскихъ сборщиковъ податей, прельщенные обѣщаніями значительныхъ облегченій, на которые Варвикъ не скупился. Въ самое короткое время собралось около 60,000 инсургентовъ, и они двинулись на югъ, подъ предводительствомъ родственниковъ и друзей Варвика. Эдуардъ принялъ тотчасъ же самыя энергическія мѣры для прекращенія возстанія и крайне былъ удивленъ, узнавъ, что во главѣ недовольныхъ явился братъ его Кларенсъ и графъ Варвикъ. Войско, собранное Эдуардомъ, было разбито инсургентами, потому что начальники, которымъ оно было ввѣрено, перессорились между собою

передъ самымъ началомъ битвы и дѣйствовали несогласно. Правда, что они заплатили за свое несогласіе головами, такъ какъ Варвикъ не пощадилъ ихъ, когда они были взяты въ плѣнъ, и приказалъ ихъ казнить; тѣмъ не менѣе положеніе Эдуарда IV было самое безвыходное, и только онъ, при своей смѣлости, могъ не потерять присутствія духа. Онъ дождался враговъ и осыпалъ ихъ строгими упреками; но братъ его и Варвикъ, не уступивъ ему ни въ словѣ, окружили его вооруженной стражей и отослали въ одинъ изъ крѣпкихъ сѣверныхъ замковъ. Эта минута для Варвика была торжественнѣйшею минутою его жизни: два короля находились въ его власти, двѣ партіи смотрѣли на него съ равно-нетерпѣливымъ ожиданіемъ. И онъ долго медлилъ. Наконецъ,

16

сообразивъ, что Кларенса было бы странно возвести на престолъ при двухъ живыхъ короляхъ, сообразивъ и то, что партія іоркская въ послѣдніе годы успѣла такъ усилиться, что Генрихъ VI былъ уже немыслимъ на англійскомъ престолѣ – Варвикъ вдругъ распустилъ свои скопища, щедро наградивъ ихъ и добычей, и деньгами, и посулами всякаго рода, и выпустилъ Эдуарда изъ-подъ своей охраны. Но онъ жестоко ошибся въ Эдуардѣ! Съ большимъ тактомъ и обворожительно-любезно обошелся король со своимъ страшнымъ зятемъ (Варвикъ былъ женатъ на сестрѣ Эдуарда и Кларенса) и безхарактернымъ братцемъ; нельзя было замѣтить въ его отношеніяхъ къ нимъ и тѣни недовѣрія; но люди, близко знавшіе Эдуарда, понимали, что имъ не сойдетъ даромъ ихъ опасная шутка. Варвикъ тоже старался выказать себя совершенно хладнокровнымъ, а между тѣмъ готовилъ Эдуарду новыя западни. По его плану, вскорѣ опять поднялось на сѣверѣ возмущеніе, которое, однакоже, Эдуардъ успѣлъ однимъ сильнымъ ударомъ подавить въ самомъ началѣ. Казненные, по его приказанію, коноводы возстанія указали передъ смертію на Варвика и на Кларенса, какъ на двухъ важнѣйшихъ виновниковъ и настоящаго, и прежде бывшаго возстанія. За этимъ показаніемъ послѣдовало нѣсколько другихъ, которыя слишкомъ ясно дали понять Эдуарду, какою сѣтью измѣнъ и коварства успѣлъ его опутать Варвикъ. Тогда Эдуардъ сталъ дѣйствовать такъ, какъ ему было необходимо для скорѣйшаго прекращенія смуты: казни слѣдовали за казнями, пытки за пытками. Рѣшено было никому изъ заподозрѣнныхъ въ сообществѣ съ Варвикомъ и Кларенсомъ не давать пощады. Самъ Кларенсъ и тестъ его Варвикъ были отъ имени короля объявлены измѣнниками, и за головы ихъ предложенъ богатый окупъ. При такомъ оборотѣ дѣлъ, Варвику и Кларенсу оставалось только поспѣшно бѣжать изъ Англіи.

Только во Франціи могли они найти себѣ безопасное убѣжище. Къ тому же, Варвикъ какъ очень дальновидный политикъ, понималъ, что на короля Лудовика XI можно разсчитывать, какъ на вѣрнаго помощника въ томъ случаѣ, когда его войска и деньги были нужны для нанесенія удара опаснѣйшему изъ его соперниковъ, англійскому королю. Для того, чтобы вѣрнѣе отомстить

Эдуарду, Варвикъ рѣшился на неслыханное дѣло: онъ сошелся съ приближенными королевы Маргариты и черезъ нихъ предложилъ ей свою дружбу и услуги, предложилъ дѣйствовать заочно противъ ненавистнаго Эдуарда и всѣми силами озаботиться возстановленіемъ Генриха VI. Сначала Маргарита и слышать ничего не хотѣла о примиреніи съ Варвикомъ – смертельнымъ врагомъ Ланкастерскаго дома; но потомъ, когда всѣ близкіе къ ней люди стали ее уговаривать согласиться на предложенія графа, указывая на союзъ съ нимъ какъ на единственный путь къ возвращенію англійской короны ея сыну, несчастная королева стала колебаться. Когда же и самъ Лудовикъ XI сталъ склонять ее на сторону Варвика, желая подешевле и поскорѣе отъ нея избавиться, Маргарита, наконецъ, согласилась повидать Варвика и вступила съ нимъ въ переговоры. Положено было набрать во Франціи войско, высадиться въ двухъ мѣстахъ одновременно, посадить на престолъ Генриха VI, герцога же Кларенса назначить ему наслѣдникомъ, а покамѣстъ утѣшить въ потерѣ обѣщаннаго престола предоставленіемъ ему въ полное владѣніе всего герцогства Йоркскаго и разныхъ другихъ выгодъ. Послѣднее условіе вѣроятно заключалось только для виду, во избѣжаніе всякихъ притязаній со стороны Кларенса; но дальновидный и умный Варвикъ въ этомъ случаѣ очень ошибся въ своемъ зятѣ; Кларенсъ, при всей своей ограниченности, легко понялъ, что тестъ его имѣетъ въ виду только свои личныя выгоды, - и съ той минуты началось замѣтное охлажденіе его къ Варвику.

Замѣчательно, что въ то самое время, когда непріятельскія войска уже готовы были высадиться на берегахъ Англіи; въ то время, когда всѣ кругомъ Эдуарда IV были увѣрены, что новая гроза готова разразиться надъ головою короля, король ни о чемъ и не зналъ или не хотѣлъ знать. Это, какъ нельзя лучше, объясняется характеромъ Эдуарда, о личныхъ свойствахъ котораго намъ еще придется поговорить подробнѣе. Главною чертою его характера была беззаботность и страсть къ удовольствіямъ. И дѣйствительно, постоянно предаваясь шумнымъ пирамъ и всевозможнымъ чувственнымъ наслажденіямъ, онъ

въ то же самое время, не ослабѣвалъ нравственно, и, чуть только наступала опасность, умѣлъ встрѣчать ее твердо и мужественно. Эти свойства, можетъ быть, и служили основаніемъ его постоянной беззаботности. Такъ, послѣ побѣды надъ Варвикомъ при Соутгэмптонѣ, онъ не хотѣлъ и вѣрить въ возможность новаго возстанія съ его стороны, и даже не удалилъ его ближайшихъ родственниковъ отъ тѣхъ важныхъ постовъ, которые они занимали въ государствѣ: братъ Варвика, графъ Монтегю, остался попрежнему главноначальствующимъ на сѣверной границѣ; другой родственникъ Варвика (одинъ изъ Невилей) все еще былъ архіепископомъ Йоркскимъ.

И вотъ, въ началѣ весны 1470 года, Варвикъ высадился на берегъ Англіи. Онъ уже разослалъ всюду манифесты, въ которыхъ говорилось народу, что

законный государь ихъ, Генрихъ VI, долженъ быть въ скоромъ времени возстановленъ на престолѣ, почему всѣ вѣрноподданные призывались къ оружію; а Эдуардъ все еще пировалъ на сѣверѣ, куда очень искусно умѣлъ отвлечь его братъ Варвика и гдѣ при немъ была очень небольшая свита.

Варвикъ нашелъ себѣ сторонниковъ на югѣ. Причиною такого сочувствія было, съ одной стороны, то, что Эдуардъ значительно повредилъ себѣ въ глазахъ своей партіи женитьбою на Елисаветѣ Грей, а въ глазахъ простонародья – потворствомъ корыстной жениной роднѣ; съ другой стороны, всѣ сословія ожидали, что съ воцареніемъ Эдуарда окончатся и междоусобія, а между тѣмъ и при немъ, какъ въ царствованіе Генриха VI, войны не прекращались и продолжали истощать страну. Благодаря этимъ условіямъ, силы Варвика и Кларенса стали быстро возрастать; въ самомъ Лондонѣ началось сильное броженіе, которому значительно способствовали возмутительныя проповѣди духовенства, приверженнаго къ Генриху и Маргаритѣ. Черезъ нѣсколько времени, Варвикъ торжественно вступилъ въ Лондонъ и вновь возвелъ на престолъ Генриха VI, который дня за два до того былъ освобожденъ ланкастерцами изъ Тоуэра. Жена Эдуарда, тогда беременная на сноѣ, успѣшила укрыться подъ защиту Вестминстерской святыни. Ея примѣру послѣдовали и многіе другіе іоркисты (около 2000 человѣкъ), которые также успѣшили укрыться отъ грознаго Варвика въ оградахъ монастырей и храмовъ.

Измѣна застала Эдуарда врасплохъ. Онъ пировалъ въ одномъ изъ крѣпкихъ замковъ на сѣверѣ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Ричардомъ, герцогомъ Глостерскимъ (впослѣдствіи знаменитымъ Ричардомъ III) и немногими приверженцами. Вдругъ является его менестрель (придворный пѣвецъ) и объявляетъ, что враги подступаютъ къ замку. Эдуардъ посмѣялся надъ нимъ и не всталъ изъ-за стола. За менестрелемъ, съ тою же вѣстью, является священникъ, и почти въ то же время на замокъ нападаютъ всадники графа Монтегю, который, узнавъ о высадкѣ, перешелъ на сторону Ланкастерскаго дома и, вмѣсто знамени Бѣлой Розы, поднялъ знамя Алой. Пока одна часть Эдуардовой дружины искала спасенія въ бѣгствѣ, а другая, отчаянно сражаясь на замковомъ мосту, старалась не допустить воиновъ Монтегю въ замокъ, самъ король, братъ его Ричардъ и всѣ бывшіе съ нимъ іоркисты успѣли вскочить на коней и, счастливо достигнувъ берега, сѣсть въ одной изъ гаваней на корабль, и переѣхать черезъ проливъ, въ надеждѣ найти помощь и защиту при дворѣ Карла Смѣлаго. Бѣгство Эдуарда было такъ успѣшно, что по переѣздѣ въ Голландію, онъ, не зная, чѣмъ вознаградить капитана своего корабля, предложилъ ему взять съ своего плеча поношенный плащъ, подбитый куньимъ мѣхомъ, а самъ остался въ одной кольчугѣ.

Между тѣмъ въ Лондонѣ Варвикъ, назначенный покровителемъ и защитникомъ государства, спѣшилъ воспользоваться своею властью. Ланкастерцамъ были возвращены ихъ имѣнія; Кларенсу отдано герцогство Йоркское, и въ то же время онъ объявленъ былъ наслѣдникомъ престола послѣ Генриха VI, а король Эдуардъ торжественно объявленъ похитителемъ престола. Вся Англія была на ногахъ; всѣ успѣшно вооружались. Варвикъ нетерпѣливо ждалъ только прибытія Маргариты, присутствіе которой могло

бы окончательно упрочить существовавший порядок вещей. Но Маргарита, задержанная у береговъ Франціи жестокими весенними бурями, не являлась.

А между тѣмъ Эдуардъ, обласканный зятемъ своимъ Карломъ Смѣлымъ, уже успѣлъ одуматься и ободриться. Тайно получивъ

отъ него небольшое пособіе (около 50,000 гульденовъ) и два военныхъ корабля, онъ принималъ еще три ганзейскія судна и съ горстью своихъ приверженцевъ и небольшимъ наемнымъ отрядомъ высадился на пятой недѣлѣ поста около города Гуллы. Видя всюду вооруженные отряды и понимая ничтожество своихъ силъ, Эдуардъ рѣшился прибѣгнуть къ той же самой хитрости, къ которой нѣкогда прибѣгнулъ Генрихъ IV, высадившись въ Англіи. Съ удивительною смѣлостью сталъ онъ объявлять всѣмъ и каждому, что онъ пришелъ единственно для добыванія своей отчины, герцогства Йоркскаго, что онъ и не думаетъ воевать противъ короля, что онъ никому не желаетъ никакого зла и т. д. И всѣ вѣрили смѣлому Эдуарду, который быстро сталъ подвигаться къ городу Йорку, мимо сильныхъ отрядовъ графа Монтегю. И какъ было ему не вѣрить, когда онъ самъ, невооруженный, въ простой шляпѣ съ перомъ, проѣзжалъ города и селенія, между тѣмъ какъ его воины кричали: «да здравствуетъ король Генрихъ VI!» Только уже въ Ноттингемѣ, когда къ небольшому войску Эдуарда присоединились нѣсколько тысячъ йоркистовъ, Эдуардъ рѣшился снова назвать себя королемъ. Вскорѣ послѣ того, наканунѣ Вербнаго воскресенья, соединился съ Эдуардомъ братъ его Кларенсъ, котораго мать и сестра окончательно успѣли склонить къ примиренію съ Эдуардомъ и Ричардомъ. Кларенсъ привелъ съ собою 4,000 воиновъ – и всѣ три брата подступили къ Лондону. Лондонъ отворилъ ворота Эдуарду. Такому быстрому повороту въ пользу его много способствовало, по свидѣтельству современниковъ, во-первыхъ, то, что большая часть богатѣйшихъ лондонскихъ гражданъ были кредиторами Эдуарда, а во-вторыхъ, что все женское населеніе Лондона было расположено въ пользу молодого красавца короля и сильно хлопотало о передачѣ ему города. Къ тому же изъ церквей и монастырей вдругъ вышли навстрѣчу Эдуарду 2,000 скрывавшихся тамъ йоркистовъ. Въ страстный четвергъ вступилъ король въ городъ, посѣтилъ въ Вестминстерѣ свою жену, пробылъ въ городѣ всего одинъ день, а въ субботу, съ 9,000 войска, уже выступилъ навстрѣчу Варвику, который между тѣмъ успѣлъ соединиться съ братомъ. Войска сошлись при Барнетѣ и послѣ первыхъ стычекъ были разлучены темнотою ночи. Слѣпой случай помогъ Эдуарду встать въ такое положеніе относительно войска Варвика, что ядра Варвиковыхъ орудій перелетали черезъ головы Эдуардовыхъ воиновъ. На утро, благодаря густому туману, въ войскѣ Варвика произошли странныя недоразумѣнія и порядокъ разстроился, а въ то же время Ричардъ и Эдуардъ такъ стремительно и сильно ударили на ланкастерцевъ, что тѣ не выдержали натиска, дрогнули и побѣжали. Битва скоро превратилась въ простую бойню, при чемъ йоркисты, по примѣру Эдуарда и Ричарда, никому не давали пощады. По окончаніи битвы, трупы Варвика и брата его Монтегю найдены были въ сосѣдней рошѣ,

изувѣченные и ограбленные. Они были настигнуты и убиты въ то самое время, когда садились на коней, собираясь бѣжать съ поля битвы. По окончаніи битвы послѣдовали казни нѣсколькихъ важнѣйшихъ ланкастерцевъ, захваченныхъ въ плѣнъ. Все это происходило утромъ на первый день Пасхи. Къ вечеру того же дня Эдуардъ опять побѣдоносно вступилъ въ Лондонъ, при кликахъ общаго восторга. Съ нимъ вмѣстѣ возвратился въ Лондонъ и развѣнчанный Генрихъ VI, котораго онъ, для большей безопасности, захватилъ съ собою, отправляясь изъ Лондона противъ Варвика. На одной изъ церковныхъ папертей выставлены были обнаженные и обезображенные трупы братьевъ Варвиковъ, столько лѣтъ вносившихъ раздоръ и смуты въ предѣлы Англіи.

Еще вѣсть о гибели братьевъ Варвиковъ не успѣла перенестись за море, какъ королева Маргарита, съ довольно значительнымъ наемнымъ войскомъ, высадилась на берегъ Англіи, въ Дорсетъ. По призыву, подъ ея знамена стеклись еще разъ послѣдніе остатки ланкастерцевъ; явились и жалкіе обломки той знати, которая нѣкогда была такъ горячо привязана къ интересамъ этой несчастной династіи. Маргарита старалась поскорѣе войти въ сношеніе съ сѣверомъ; но Эдуардъ, съ удивительною быстротою и большимъ стратегическимъ тактомъ, сумѣлъ преградить ей дорогу на сѣверъ и заставилъ вступить съ собою въ сраженіе при Тьюксбери. Надобно замѣтить, что Маргарита, видя, какъ войско ея утомлено продолжительнымъ и поспѣшнымъ походомъ, рѣшилась стать лагеремъ при Тьюксберійскомъ аббатствѣ котораго

толстыя стѣны и обширныя постройки могли служить достаточнымъ прикрытіемъ съ тылу; спереди ея войско окопалось рвами и огородилось частоколомъ. За этими укрѣпленіями полагала Маргарита дать своему войску возможность отдохнуть, чтобы потомъ со свѣжими силами вступить въ битву съ противникомъ, который гнался за нею по пятамъ. Но Эдуардъ изумилъ всѣхъ стремительностью своего натиска. Не обращая вниманія ни на утомленіе своихъ воиновъ, которые вмѣстѣ съ нимъ прошли въ тотъ день болѣе 30 англійскихъ миль, ни на крѣпкую позицію непріятеля, онъ, не останавливаясь, ударилъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Ричардомъ въ центръ войска Маргариты и, не смотря на отчаянное сопротивленіе ланкастерцевъ, все сокрушилъ на пути своемъ. Менѣе чѣмъ въ два часа дѣло было уже рѣшено въ пользу Эдуарда. Ланкастерцы бѣжали вразсыпную. Поле около аббатства было покрыто грудami ихъ труповъ; множество ихъ потонуло при поспѣшномъ бѣгствѣ въ мельничномъ прудѣ; не спаслись даже и тѣ, которые старались укрыться въ монастырской оградѣ: всѣ были перебиты по приказанію короля и его молодого, отчаянно-храбраго брата Ричарда. Преданіе гласитъ, что Эдуардъ, съ головы до ногъ залитый кровью враговъ, съ обнаженнымъ мечомъ въ рукахъ, ворвался даже въ церковь, гдѣ скрылась Маргарита, графъ Оксфордъ и немногіе знатные; но священникъ,

совершавшій въ то время богослуженіе, съ св. дарами въ рукахъ, бросился къ нему навстрѣчу и, заграждая ему путь, грозно замѣтилъ ему, что нарушающій церковную святиню навлекаетъ на себя проклятіе. Жертвою Эдуарда палъ и семнадцатилѣтній сынъ Маргариты, принцъ Эдуардъ. Не смотря на всѣ мольбы о пощадѣ, несчастный юноша былъ заколотъ въ присутствіи короля и по его приказанію.

Послѣ этого окончательнаго торжества надъ ланкастерцами Эдуарду пришло въ голову, что давно уже пора покончить съ главною причиною всѣхъ междоусобій и неурядицъ – пора вырвать зло съ корнемъ. И вотъ, въ то самое время, когда онъ вступалъ въ Лондонъ, привѣтствуемый безчисленными толпами, въ народѣ разнеслась вѣсть о внезапной смерти короля Генриха VI въ Тоуэрѣ. Очевидно, что смерть его была насильственною, что убійство было совершено по приказанію Эдуарда, хотя еще и доселѣ неизвѣстно, какимъ способомъ оно было совершено. Позднѣйшее преданіе указывало на Ричарда, какъ на убійцу Генриха, и къ длинному ряду его темныхъ дѣлъ прибавляло и это злодѣяніе.

Такъ кончилъ свою жизнь несчастный, слабоумный и слабохарактерный король, который почти столько же лѣтъ прожилъ, сколько и процарствовалъ и во всю жизнь не сдѣлалъ ни одного самостоятельнаго шага. Сильно приверженное къ нему католическое духовенство, по смерти его, старалось увѣнчать его память радужнымъ ореоломъ святости – и загнанные, угнетенные ланкастерцы охотно утѣшали себя рассказами о чудесахъ, совершавшихся на могилѣ ихъ несчастнаго короля.

Послѣ того, съ 1472 по 1483 годъ, Эдуардъ царствовалъ очень спокойно, и вся Англія не даромъ была ему благодарна за то, что онъ доставилъ ей это спокойствіе, стараясь позабыть, какою дорогою цѣною это спокойствіе было имъ куплено. Очень хорошо сѣумѣлъ Эдуардъ устроить и свои дѣла; озаботился о пополненіи и государственной казны. Спокойствіе Англіи въ теченіе одиннадцатилѣтняго царствованія Эдуарда было нарушено только два раза: одинъ разъ – войною съ Франціей, которая, впрочемъ, не стоила Англіи ни людей, ни денегъ и, сверхъ того, доставила Эдуарду ежегодную дань со стороны Лудовика XI; Другой разъ – всѣхъ напугалъ раздоръ трехъ братьевъ Йорковъ, изъ которыхъ двое (Ричардъ и Эдуардъ) возстали противъ третьяго – Кларенса. Всѣ уже ожидали возобновленія междоусобныхъ войнъ, когда вдругъ Кларенсъ былъ убитъ тайно подосланными къ нему убійцами. Исходъ дѣла произошелъ при такихъ именно условіяхъ, что убійство можно было смѣло приписать Ричарду Глостерскому, и въ народѣ дѣйствительно распространился этотъ слухъ, при чемъ многіе утверждали, что убійство было совершено съ согласія Эдуарда, который вполнѣ довѣрялъ Ричарду и не даромъ видѣлъ въ немъ одну изъ могущественнѣйшихъ опоръ своего дома.

Въ какой степени былъ справедливъ этотъ взглядъ короля, оказалось послѣ смерти Эдуарда, послѣдовавшей 9-го апрѣля 1483 года;

но прежде чѣмъ мы приступимъ къ описанію мрачныхъ событій краткаго и исполнѣ трагическаго царствованія Ричарда III, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько окончательныхъ словъ объ Эдуардѣ IV для того, чтобы читателю было ясно, въ какой степени согласно съ историческою истиною созданъ былъ Шекспиромъ характеръ этого замѣчательнаго короля.

Трудно себѣ вообразить смѣсь хорошихъ и дурныхъ свойствъ характера пестрѣе и разнообразнѣе той, которую представляетъ намъ личность Эдуарда IV. Одаренный блестящими умственными способностями и желѣзнымъ мужествомъ, которое не измѣняло ни въ какихъ опасностяхъ и не отступало ни передъ какими препятствіями, онъ въ тоже время былъ весьма способенъ предаваться полнѣйшей безопасности, какъ только опасность проходила. Его стратегическія соображенія и, вообще, зоркость, и вѣрность взгляда были весьма замѣчательны. Но кипучія, ненасытныя страсти часто туманили его свѣтлую голову, тѣмъ болѣе, что онъ въ теченіе всей своей жизни не жалѣлъ ни матеріальныхъ средствъ, ни физическихъ силъ на ихъ удовлетвореніе. Истощеніе, наступившее вслѣдствіе слишкомъ весело проведенной жизни и постоянныхъ излишествъ въ употребленіи пищи и крѣпкихъ напитковъ, были главнѣйшею причиною его смерти. Но безпристрастный историкъ не можетъ судить слишкомъ сурово о личности Эдуарда и его недостаткахъ: сама природа, казалось, уже способствовала въ немъ развитію его страсти къ женщинамъ, потому что онъ, по свидѣтельству всѣхъ современниковъ, былъ самымъ красивымъ и стройнымъ мужчиной во всей Англіи. И во время всего его царствованія, не смотря на его романическую женитьбу, женщины не переставали играть весьма важную роль въ обществѣ и при дворѣ. Впрочемъ, и самъ Эдуардъ очень хорошо умѣлъ пользоваться ихъ слабостью по отношенію къ себѣ и чрезъ нихъ не разъ выманивалъ деньги у скупыхъ мужей какъ на свои, такъ и на государственныя потребности. Съ этой стороны прекрасно характеризуетъ его извѣстный анекдотъ, который приводитъ о немъ Голиншедъ въ своей хроникѣ:

«Собирая разными способами деньги для снаряженія войска во время войны съ Франціею, Эдуардъ не пренебрегалъ обращаться ко многимъ и съ личною просьбою о помощи государству. Съ такою-то просьбою обратился онъ однажды къ старой и богатой вдовушкѣ. Она отвѣчала ему очень любезно: «ради вашего красиваго лица, я не прочь пожертвовать на военныя издержки двадцать фунтовъ стерлинговъ.» Эдуардъ, не ожидавшій отъ нея такой щедрости, поцѣловалъ ее въ знакъ полнаго удовольствія – и за это, вмѣсто двадцати, получилъ сорокъ фунтовъ стерлинговъ.» Не смотря, однакоже, на свой разсѣянный и пустой образъ жизни, протекавшей среди нескончаемыхъ пировъ, веселій, пѣсенъ и шумныхъ поѣздокъ на охоты, куда его постоянно сопровождали всѣ его любовницы, Эдуардъ изумлялъ своихъ приближенныхъ глубокимъ пониманіемъ нуждъ народа и весьма точными свѣдѣніями о бытѣ и положеніи различныхъ слоевъ общества. Народу вообще и среднимъ классамъ его въ особенности онъ очень нравился своею доступностью и тѣмъ демократизмомъ, который постоянно составлялъ важнѣйшую опору его политики. Этотъ демократизмъ, впрочемъ, былъ у него вовсе не безкорыстнымъ стремленіемъ, а скорѣе обуславливался потребностью

укрѣпить въ рукахъ своихъ королевскую власть, которая досталась ему цѣлымъ рядомъ тяжелыхъ усилій. И дѣйствительно, носясь по полю битвы безпощаднымъ ангеломъ смерти и крича своимъ воинамъ: «щадите простонародье! бейте однихъ бароновъ!» онъ руководился точно такъ же мыслью о необходимости уничтоженія феодальныхъ порядковъ, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда, унижая старинные рыцарскіе роды, отсѣкая одну за другою вѣтви обширнаго рода Плантагенетовъ, въ то же самое время возводилъ въ званіе пэровъ и въ высшія государственныя должности простыхъ гражданъ или купцовъ. Этимъ онъ столько же упрочилъ престолъ въ своемъ родѣ, сколько и сдѣлалъ ненавистною память Ланкастерскаго дома, который постоянно держался своими близкими связями со знатью.

Едва успѣлъ Эдуардъ испустить духъ, какъ уже открылось обширное поле дѣйствій для придворныхъ партій. Спѣшили провозгласить королемъ маленькаго сына Эдуардова, подъ именемъ Эдуарда V. Особенно хлопотали объ этомъ родные королевы, Грей и Вайдвилли, которые, зная нелюбовь къ себѣ народа,

думали возведеніемъ дитяти на престолъ удержать за собою то значеніе, какимъ они пользовались при Эдуардѣ IV. Эта партія королевы встрѣтила, однакоже, себѣ сильныхъ противниковъ въ герцога Букингэмъ и лордѣ Гэстингсѣ, которые нисколько не желали видѣть ихъ первенствующими при дворѣ, и, заботясь о своемъ собственномъ положеніи въ государствѣ, рѣшились войти въ сношеніе съ сѣверомъ, гдѣ тогда находился братъ покойнаго короля, Ричардъ, герцогъ Глостерскій, и тогда уже составившій себѣ страшную извѣстность суровостью своего характера и воинскими подвигами. Партія королевы тѣмъ временемъ спѣшила коронованіемъ Эдуарда V и спѣшила именно потому, что опасалась Ричарда и надѣялась все устроить прежде, чѣмъ вѣсть о перемѣнѣ правленія успѣетъ дойти до шотландской границы, на которой онъ былъ тогда занятъ разборомъ нескончаемыхъ пограничныхъ распрей Шотландіи съ Англіей. Положено было короновать молодого наслѣдника престола въ началѣ мая, а между тѣмъ ближайшіе родные королевы, во главѣ двухтысячной вооруженной свиты, отправлены были за Эдуардомъ V въ Лудлоу (онъ тамъ воспитывался), чтобы привезти его въ Лондонъ. Когда Букингэмъ извѣстилъ Ричарда о томъ, что безъ его вѣдома происходило въ Лондонѣ, герцогъ бросилъ всѣ дѣла на сѣверѣ и съ большимъ войскомъ поспѣшилъ наперерѣзъ дороги своему племяннику. Онъ остановился въ Соутгэмптонѣ. Родственники королевы, Риверсъ, Грей и сэръ Воганъ, одинъ изъ придворныхъ королевы, сопровождавшіе молодого принца, узнавъ о приближеніи Ричарда, очень ловко услали Эдуарда впередъ, въ Стратфордъ, а сами явились къ герцогу, въ Нортгэмптонъ, и, изложивъ причины поѣздки принца въ Лондонъ, заявили ему, что ожидаютъ отъ него одобренія своихъ дѣйствій. Герцогъ принялъ ихъ весьма благосклонно, пригласилъ къ обѣду и оставилъ ночевать; но, послѣ тайнаго совѣщанія съ

Букингэмомъ, на другое же утро Риверсъ, Грей и Воганъ были, по приказанію герцога, взяты подъ стражу, какъ измѣнники; а самъ онъ съ избранною дружиною поспѣшилъ въ Стратфордъ, гдѣ и засталъ Эдуарда уже готовымъ къ отъѣзду. Смиренно и почтительно подошелъ Ричардъ, съ непокрытою головою, къ своему племяннику и принесъ ему жалобу на захваченныхъ имъ родственниковъ королевы, которыхъ прямо обвинялъ въ измѣнѣ и въ желаніи внести раздоръ въ царственную семью. Затѣмъ, грозно обратившись къ многочисленной свитѣ принца, герцогъ приказалъ ей разойтись подъ страхомъ смертной казни. Эти слова его магически подѣйствовали на всѣхъ – и двухтысячная свита оставила Эдуарда, который – волей-неволей – очутился во власти своего дяди.

Когда вѣсти объ этомъ смѣломъ шагѣ Ричарда достигли Лондона, всѣ пришли въ смущеніе. Королева Елисавета, со всѣми своими дочерьми и младшимъ сыномъ, укрылась въ Вестминстерское аббатство. Ея примѣру послѣдовалъ сынъ ея отъ перваго брака, маркизъ Дорсетъ, и многіе другіе близкіе къ ней люди. Тяжелое ожиданіе чего-то ужаснаго быстро охватило весь Лондонъ, отъ высшихъ и до низшихъ слоевъ его населенія, и всѣхъ привело въ какое-то оцѣпенѣніе, значительно способствовавшее успѣхамъ Ричарда, который не любилъ ни надъ чѣмъ долго задумываться. Всѣмъ очень подозрительно показалось то, что герцогъ привезъ молодого принца въ Лондонъ только 4-го мая, слѣдовательно, въ тотъ самый день, когда назначено было его коронованье. Ричардъ поспѣшилъ, однакоже, разсѣять подозрѣніе тѣмъ, что немедленно сталъ приводить всѣхъ къ присягѣ Эдуарду и велѣлъ чеканить монету съ его изображеніемъ. Между тѣмъ захваченные имъ родственники королевы, обличенные въ измѣнѣ, были тайно казнены въ Соутгэмптонѣ. Съ этой минуты онъ сталъ дѣйствовать гораздо свободнѣе. Пользуясь тѣмъ званіемъ покровителя и защитника государства, которое возложено было на него парламентомъ и подтверждено молодымъ принцемъ, Ричардъ хотя и назначилъ на 22-е іюня день коронаціи молодого принца, но въ то же время сталъ исключительно заботиться о томъ, какъ бы ему *вывести измѣнну* изъ среды окружавшей его знати. Жертвою такихъ соображеній и тайныхъ совѣщаній съ герцогомъ Букингэмомъ прежде всего палъ лордъ Гэстингсъ, человѣкъ умный и сильный, примкнувшій въ послѣднее время къ партіи королевы. Его схватили среди парламентскаго засѣданія и безъ суда отрубили голову, на основаніи совершенно голословнаго обвиненія, взведеннаго на него герцогомъ Ричардомъ, который

объявилъ, что лордъ Гэстингсъ, *въ сообществѣ съ проклятою и распутною женою Дженъ Шоръ*, старался извести его колдовствомъ. Дженъ Шоръ, знаменитая лондонская красавица, сначала любовница Эдуарда IV, а потомъ – любовница Гэстингса (который постоянно раздѣлялъ съ Эдуардомъ его шумныя увеселенія), по распоряженію герцога, подъ страхомъ смертной казни, должна была принести публичное покаяніе и при этомъ изложить

всенародно всѣ свои вины и мнимые умыслы на жизнь Ричарда. Затѣмъ у ней отнято было все ея имѣніе – и знаменитая красавица кончила жизнь свою самымъ жалкимъ образомъ, въ величайшей нищетѣ. Этотъ процессъ надъ Дженъ Шоръ былъ нарочно веденъ публично, чтобы бросить первую тѣнь на память покойнаго короля Эдуарда, о которомъ Ричардъ уже начиналъ распускать въ народѣ разныя небылицы. Послѣ того Ричардъ уже не останавливался болѣе на пути, который, по его мнѣнію, долженъ былъ привести его къ обладанію престоломъ.

Основываясь на томъ, что Дорсетъ и другіе покинули Вестминстерское аббатство и изъ-подъ крова святыни бѣжали за море, герцогъ Ричардъ, 16-го іюня, вдругъ приказалъ окружить Вестминстеръ войскомъ, съ большою вооруженною свитою явился въ аббатство и, подъ тѣмъ предлогомъ, что принцъ Эдуардъ скучаетъ безъ своего маленькаго брата, взялъ его у королевы Елизаветы, которая не съумѣла защитить отъ него свое дитя. Этимъ Ричардъ, въ первый разъ со времени основанія аббатства, нарушилъ святость убѣжища, въ которое даже и самъ Варвикъ не рѣшился проникнуть въ эпоху величайшаго своего могущества. Затѣмъ оба молодые принца были переселены въ Тоуэръ, по совѣту Ричарда, который увѣрялъ ихъ, что имъ тамъ будетъ жить спокойнѣе и безопаснѣе, чѣмъ гдѣ либо. Въ то же самое время посланные Ричардомъ гонцы собирали отовсюду къ Лондону войска, подъ предлогомъ необходимости защитить *особу лорда-протектора* отъ его враговъ. Быстро стали сходитьсѣ къ Лондону отрядъ за отрядомъ и, въ виду этихъ войскъ, никто уже не сомнѣвался въ томъ, что Ричардъ замышляетъ надѣть корону на себя, а не на племянника. Общія ожиданія сбылись вскорѣ, когда 22-го іюня, въ день, назначенный для коронаціи, явился на площадь докторъ Шоу и, начавши свою проповѣдь текстомъ Священнаго Писанія, вдругъ свернулъ рѣчь на современное состояніе государства, вспомнилъ покойнаго короля, о которомъ отозвался какъ о развратникѣ и клятвопреступникѣ, старался даже доказать, что онъ былъ незаконнымъ сыномъ Ричарда Іоркскаго, потому что родился отъ герцогини Іоркской во время отсутствія ея мужа, вошелъ по этому поводу въ самыя грязныя подробности и пришелъ, наконецъ, къ тому заключенію, что дѣти Эдуарда тоже не могутъ быть названны законными, почему единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ престола можетъ быть только герцогъ Ричардъ Глостерскій. Тѣмъ не менѣе рѣчь не произвела на слушателей никакого впечатлѣнія и, повидимому, никого не убѣдила въ незаконности сына Эдуарда. Это, однакоже, не остановило Ричарда. Два дня спустя, герцогъ Букингэмъ повторилъ то же самое сплетеніе небылицъ и парадоксовъ предъ собраніемъ гражданъ и знати и привелъ свою рѣчь къ тому заключенію, что государство можетъ ожидать себѣ спасенія только отъ герцога Ричарда Глостерскаго, какъ единственнаго законнаго наслѣдника престола. Едва успѣлъ онъ окончить свою рѣчь, какъ уже нѣсколько заранѣе разставленныхъ имъ въ залѣ наемниковъ закричали: «да здравствуетъ король Ричардъ III!» Основываясь на такомъ *единодушномъ* избраніи, герцогъ Букингэмъ пригласилъ гражданъ слѣдовать на другой день за нимъ къ замку Ричарда – просить его о принятіи короны. Всѣ повиновались ему безмолвно и непрекословно, очень хорошо понимая, что всякое сопротивленіе съ ихъ

стороны было бы напраснымъ. На другой же день передъ Байнарскимъ замкомъ повторилась точь-въ-точь такая же комедія, какъ нѣкогда въ Москвѣ при избраніи на царство Бориса Годунова. Ричардъ сначала отказывался, потомъ благодарилъ, но въ сущности очень скоро согласился. На другой день онъ уже былъ провозглашенъ королемъ, а 4-го іюля короновался торжественно, между тѣмъ какъ въ городѣ были приняты всѣ мѣры къ подавленію всякой возможности возстанія или вообще движенія въ пользу Эдуардова потомства, которое объявлено лишеннымъ правъ на престолъ. Королеву и дочерей ея

23

положено было даже лишить принадлежащихъ имъ титуловъ и помѣстій, при чемъ королеву называть отнынѣ просто Елизаветой Грей.

Тотчасъ послѣ коронованія, неутомимый Ричардъ собралъ парламентъ, въ которомъ, между-прочимъ, объявилъ, что онъ думаетъ объѣхать все свое государство, дабы всюду имѣть возможность лично ознакомиться съ положеніемъ народа и озаботиться примиреніемъ партій. И дѣйствительно, вскорѣ выѣхалъ онъ изъ Лондона, въ сопровожденіи королевы и всего двора, и направился прежде всего въ Йоркъ, гдѣ жители ожидали его съ нетерпѣніемъ. Тамъ, въ знакъ особеннаго благоволенія къ городу, который былъ постоянно вѣренъ всему Йоркскому дому и въ послѣднее время оказалъ большую услугу Ричарду своевременною присылкою войска, Ричардъ III вторично короновался еще съ бѣльшимъ блескомъ, чѣмъ въ Лондонѣ.

Между-тѣмъ какъ онъ такимъ образомъ старался неотъемлемо присвоить себѣ похищенный имъ вѣнецъ, въ южныхъ графствахъ обнаружилось явное неудовольствіе его правленіемъ, а потомъ и открытое возстаніе, во главѣ котораго стоялъ одинъ изъ ближайшихъ къ нему людей – герцогъ Букингемъ. До сихъ поръ исторія тщетно старалась разгадать причину разрыва и ненависти, возродившейся между прежними друзьями. Извѣстно, что Букингемъ былъ, по восшествіи Ричарда на престолъ, осыпанъ отъ него милостями всякаго рода. Въ короткое время пріобрѣлъ онъ въ деньгахъ и помѣстьяхъ почти такое же громадное богатство, какимъ нѣкогда обладалъ графъ Варвикъ. Достигнувъ высоты величія, видя себя первымъ послѣ короля лицомъ въ государствѣ, Букингемъ возмечталъ о себѣ слишкомъ высоко и думалъ, что ему точно такъ же легко будетъ играть короной Англіи, какъ нѣкогда игралъ ею тестъ Кларенса и Ричарда. И вотъ, мучимый тщеславными мечтами, а можетъ-быть, и угрызеніями совѣсти, которая, конечно, должна была упрекать его за возведеніе на престолъ Ричарда, при помощи такого безчеловѣчнаго кровопролитія, Букингемъ поднялъ знамя бунта противъ Ричарда и объявилъ законнымъ наслѣдникомъ престола Генриха Тюдора.

Права Генриха Тюдора на англійскій престолъ были весьма сомнительны. Отецъ его Эдмундъ Тюдоръ, Графъ Ричмонскій, былъ сыномъ того Овена Тюдора, за котораго вдова Генриха V вышла замужъ, по смерти знаменитаго своего мужа; а такъ какъ жена Генриха V принадлежала къ фамиліи

Плантагенетовъ, то и ея потомство признавалось роднею Ланкастеровъ. Добродушный Генрихъ VI даже надѣлилъ братьевъ Тюдоровъ помѣстьями и самъ занимался воспитаніемъ младшаго изъ нихъ, Генриха, о которомъ мы упомянули выше. Когда одни изъ старшихъ братьевъ Тюдоровъ повымерли, а другіе погибли въ войнѣ Алой и Бѣлой Розы, Эдуардъ IV сталъ опасаться Генриха Тюдора, въ которомъ онъ видѣлъ единственную уцѣлѣвшую отрасль Ланкастерскаго дома. Мать Генриха Тюдора, чуя недоброе, поспѣшила перевезти своего пятнадцатилѣтняго сына въ Бретань и тамъ, въ домѣ корыстнаго и вѣроломнаго герцога Бретонскаго, провелъ онъ почти всю свою молодость. Герцогъ Бретонскій держалъ его у себя, какъ плѣнника и заложника, очень ловко понуждая Эдуарда IV къ уплатѣ постоянной пенсіи за то, чтобы не выпускать молодого Генриха изъ Бретани. Ко времени вступленія Ричарда III на престолъ, Генрихъ воспитанный въ тяжелой школѣ несчастія, созналъ очень хорошо свое назначеніе. Онъ бѣжалъ изъ Бретани во Францію, вошелъ въ сношеніе съ остатками ланкастерской партіи въ Англіи и съ несчастной супругой Эдуарда IV – и поклялся, что, по вступленіи на англійскій престолъ онъ женится на старшей дочери ея. Общество находилось въ эту пору въ томъ напряженномъ и тяжеломъ состояніи, которое обычно кончается страшнымъ и общимъ взрывомъ. Послѣ этого неудивительно, что когда Букингэмъ побудилъ южныя графства къ возстанію надеждою на вступленіе Генриха Тюдора на англійскій престолъ, всѣ, прискученные жестокостями Ричарда, по простому чувству справедливости, перешли на сторону новаго претендента, который долженъ былъ своимъ брачнымъ союзомъ съ дочерью Эдуарда соединить на престолѣ двѣ враждебныя вѣтви для доставленія вѣчнаго мира и спокойствія странъ.

Ричардъ III принялъ самыя энергическія мѣры для того, чтобы предупредить опасность. Онъ не только назначилъ Елизаветѣ

Грей и всѣмъ ея дочерямъ весьма приличное годовое содержаніе, но и потребовалъ отъ всѣхъ вторичной присяги себѣ и своему роду, хотя онъ въ это время былъ бездѣтенъ, такъ какъ сынъ его умеръ незадолго передъ тѣмъ. Потомъ онъ выступилъ противъ Букингэма, разсѣялъ его войска однимъ ударомъ и назначилъ 1000 марокъ серебра въ награду тому, кто принесетъ ему голову измѣнника. Несчастный былъ вскорѣ выданъ ему однимъ изъ своихъ собственныхъ людей и казненъ въ тотъ же день безъ всякаго суда. Генрихъ Тюдоръ, подплывши къ берегамъ Англіи и прослышавъ объ участи своего приверженца, немедленно вернулся во Францію, гдѣ и сталъ выжидать болѣе удобнаго случая для высадки.

Между тѣмъ Ричардъ III, не оставаясь ни на минуту спокойнымъ и увѣреннымъ въ своей безопасности, постоянно предпринималъ новыя мѣры предосторожности къ тому, чтобы упрочить престолъ за собою. Но каждая изъ такихъ предосторожностей, по какой-то странной игрѣ случая, обрушалась новою бѣдою на его же голову и только увеличивала число

враговъ и опасностей, постоянно его окружавшихъ. Еще прежде отпаденія Букингэма, очищая себѣ дорогу, онъ приказалъ распустить въ народѣ слухъ о томъ, что сыновья Эдуарда умерли въ Тоуэрѣ. Этотъ слухъ былъ встрѣченъ общимъ взрывомъ негодованія и способствовалъ тому, чтобы въ Генрихѣ Тюдорѣ всѣ увидѣли законнаго наслѣдника престола. Послѣ возстанія Букингэма, видя себя бездѣтнымъ, онъ болѣе всего старался воспрепятствовать намѣренію Генриха Тюдора жениться на старшей дочери Эдуарда. Какъ разъ въ это самое время жена Ричарда Анна (урожденная Варвикъ) умерла скоропостижно. И вотъ, общій голосъ народа сталъ также обвинять Ричарда въ убійствѣ жены, какъ и въ тайномъ умерщвленіи племянниковъ. Тучи стали скопляться надъ его головою и грозить близкою гибелью. Тогда Ричардъ рѣшился на послѣднее и отчаянное усиліе: онъ задумалъ жениться на старшей дочери Эдуарда; но уже было поздно.

Генрихъ Тюдоръ, который съ прошлаго года не прекращалъ въ Нормандіи своихъ приготовленій къ высадкѣ, воспользовался общимъ тревожнымъ состояніемъ умовъ въ Англіи въ началѣ 1485 года, высадился въ Уэльсѣ, который возсталъ на него почти поголовно, и пробрался съ войскомъ въ Англію, прежде чѣмъ Ричардъ успѣлъ приготовиться къ отпору съ этой стороны, тѣмъ болѣе, что онъ заботился гораздо болѣе о защитѣ юго-восточныхъ береговъ Англіи. Однакоже ему удалось собрать и выставить противъ Генриха почти двадцатитысячное войско, съ которымъ онъ и выступилъ изъ Ноттингэма, навстрѣчу непріятелю, къ Лейстеру.

Современники рассказываютъ, что Ричарда сильно беспокоили слухи объ измѣнѣ разныхъ приверженцевъ его, которые, одинъ за другимъ, спѣшили стать подъ знамена Генриха Тюдора. Между ними были даже и тѣ, которыхъ онъ пощадилъ при возстаніи Букингэма. Однако же, именно это внутреннее безпокойство заставляло Ричарда употреблять всевозможныя усилія, чтобы казаться твердымъ и спокойнымъ: на великолѣпномъ бѣломъ боевомъ конѣ скакалъ онъ впереди своего войска, въ блестящемъ рыцарскомъ вооруженіи и въ драгоцѣнномъ королевскомъ вѣнцѣ, надѣтомъ поверхъ шлема. 21-го апрѣля оба войска сошлись близъ городка Босуорта. Ричардъ спалъ ночь безпокойно, поднялся очень рано и не скрывалъ отъ окружавшихъ его, что наступающій день долженъ рѣшить судьбу Англіи, при чемъ онъ, по обычаю своему, прибавлялъ къ этимъ словамъ страшныя клятвы, угрожая смертью всѣмъ своимъ врагамъ въ случаѣ, если побѣда останется на его сторонѣ. Битва началась очень рано. Генрихъ Тюдоръ съ Вайдвиллями, Пэмброками и Грѣями, ударилъ на лучшую часть войска Ричарда, которою предводительствовалъ графъ Норфолькъ. Въ то же самое время, на другой сторонѣ поля, графъ Стэнлей, начальствовавшій другою частью войскъ Ричарда, перешелъ на сторону родственника своего Генриха Тюдора и произвелъ въ королевскомъ войскѣ неслыханное смятеніе. Всѣ спѣшили покинуть поле битвы: одни искали спасенія, разбѣгаясь въ безпорядкѣ, другіе – стройно переходя на сторону Генриха.

Мѣстное преданіе рассказываетъ, что Ричардъ твердо и величаво взглянулъ въ лицо своей неизбѣжной гибели. Онъ не согласился бѣжать съ поля битвы на подведенномъ ему конѣ, а схватился за боевой топоръ,

надвинулъ на голову свой золотой вѣнецъ и поклялся, что умереть королемъ Англіи, не уступивъ врагу ни шагу. Въ эту минуту увидѣлъ Ричардъ, что Генрихъ Тюдоръ, окруженный многочисленной свитой, несется прямо на него. Тутъ-то вскочилъ онъ въ сѣдло, далъ шпоры коню и съ быстротою молніи помчался на встрѣчу врагу. Въ одно мгновеніе закололъ онъ копьемъ сэра Уилльяма Брэндона, который ѣхалъ впереди съ непріятельскимъ знаменемъ, потомъ напалъ на сэра Джона Чейнея, одного изъ величайшихъ силачей того времени, вышибъ его изъ сѣдла и, бросивъ въ сторону копье, сталъ, какъ безумный, рубиться со свитою Генриха, неистово восклицая: «измѣна! измѣна!» Но его окружили – и сэръ Уилльямъ Стэнлей нанесъ ему послѣдній ударъ. Когда мертвый Ричардъ повалился на землю, Стэнлей поспѣшно слѣзъ съ коня, снялъ съ Ричардова шлема драгоцѣнную королевскую корону, на которой лезвія мечей оставили глубокія зарубины, и, поднеся ее Генриху Тюдору, надѣлъ ему на голову, громко воскликнувъ: «да здравствуетъ король Генрихъ VII!» Послѣ этого на полѣ битвы стали пѣть благодарственный молебенъ. Между нѣсколькими тысячами убитыхъ отыскали тѣла: герцога Норфолька, лордовъ – Феррерса, Рэдклифа, Брэкенбери и нѣкоторыхъ другихъ, которые до конца оставались вѣрными Ричарду. Генрихъ всѣмъ велѣлъ объявить свою милость и прощеніе; казнены были, по его приказанію, только трое изъ числа приближенныхъ къ Ричарду лицъ, какъ сообщники его тайныхъ убійствъ. Таковъ былъ конецъ знаменитой династической борьбы, слѣдствіемъ которой была окончательная гибель царственнаго рода Плантагенетовъ и переходъ англійскаго престола въ побочную линію Тюдоровъ.